

НИКОЛАЙ ЧЕРНЫШЕВ

ДОРОГА В АД

Николай Чернышев

Дорога в Ад

«Автор»

2026

Чернышев Н.

Дорога в Ад / Н. Чернышев — «Автор», 2026

Под провинциальным российским городом скрывается древнее подземелье — врата между мирами, где время течёт иначе. Капитан полиции Александр Самойлов ведёт расследование ритуальных убийств сатанинской секты. Штурм туннелей оборачивается катастрофой: вся группа спецназа гибнет. Выживает только Самойлов — с полной потерей памяти. Спустя год его обвиняют в убийстве собственного начальника. Под пытками всплывает правда: двадцать лет в его теле жила древняя душа воительницы света Наяды, ведущей тысячелетнюю войну против сил тьмы. После смерти капитана Наяда вселяется в умирающего алкоголика Егора Смирнова, получив опасный план: захватить сына Дьявола для обмена на её возлюбленного, заточённого в аду. Но внутри Егора борются три сущности. Когда он встречает сына погибшего капитана, прошлое вырывается наружу, толкая героев к 800-метровой бездне под развалинами монастыря — туда, где начинается настоящая война между Светом и Тьмой.

© Чернышев Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1 Вспомнить всё.	6
Глава 1 Кошмар	7
Сон-преследование	7
Пробуждение	9
Размышления в ночи	10
Решение вспомнить	11
Первое преступление	12
Вторая жертва	13
Глава 2. Расследование	14
Версии следствия, работа полиции	14
Напряжение в городе, масштабная операция	15
Убийство священника	17
Глава 3. Катастрофа	19
Резня в церкви	19
Поимка студента	20
Операция в склепе	22
Пробуждение в больнице	23
Последствия и загадки	24
Возвращение	25
Глава 4. Дайана	26
Встреча	26
Поиски	28
Убийство генерала	29
Допрос	30
Пытка	31
Сыворотка правды	32
Раздвоение	33
Глава 5. В Пасти Лабиринта	34
Дорога Смерти	34
Зал Пяти Углов	35
Исчезновение	36
Искажение	37
Кровавая Река	38
Бросок	39
Блуждание	40
Невозможная Встреча	41
Глава 6. Зеркала времени	42
Туннель в никуда	42
Невидимый бал	43
Резня	44
Свидетельство	45
Игра	46
Мёртвый взгляд	47
Глава 7. Дороги без времени	48
Тьма	48
Зеркальная встреча	49

Призрак правды	50
Тьма наступает	52
Ловушка	53
Глава 8. Пробуждение памяти	54
Светящаяся пещера	54
Блуждание в глубинах	55
Карабканье по отвесной стене	56
Туннель урагана	57
Спасение незнакомки	58
Тепло и видение	59
Необъяснимое узнавание	60
Откровение о двух душах	61
Вопросы и сомнения	62
История спасения	63
Воспоминание сквозь века	64
Прозрение	65
Слияние душ	66
Начало новой войны	67
Глава 9. Воспоминание первое: Цветок Жизни	68
Пробуждение памяти	68
Встреча со странником	69
Путешествие и споры	70
Цветок жизни	72
Внутри Цветка	76
Глава 10. Воспоминание второе: Швабская битва	78
Мозаика жизнью	78
Первая встреча	79
Княжество Штайнберг, Швабия, 1247 год	80
Прибытие	81
Встреча с Дитрихом	82
Проникновение	83
Тёмное посвящение	84
Подготовка	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Николай Чернышев

Дорога в Ад

Часть 1 Вспомнить всё.

*«А многие из спящих в прахе земли пробудятся,
и будут сиять как светила над твердью,
как звезды на веки, навсегда!»*

Ветхозаветная книга пророка Даниила

Глава 1 Кошмар

Сон-преследование

Туннель поглотил его своей первобытной тьмой – густой, осязаемой, пропитанной запахом сырой земли и чего-то древнего, забытого. Самойлов бежал, спотыкаясь о невидимые неровности пола, его дыхание эхом разносилось по каменным стенам, превращаясь в хрип загнанного зверя. Падал – острая боль разливалась по ладоням и коленям. Поднимался – мышцы горели огнём, легкие разрывались от недостатка воздуха. И снова бежал, потому что остановиться означало погибнуть.

За его спиной двигалось Нечто. Он не видел преследователя, но каждой клеткой своего существа ощущал его присутствие – жуткое, пульсирующее ненавистью ко всему живому. Это была не простая угроза. Это была квинтэссенция смерти, облечённая в материальную форму, воплощение конца всего сущего.

Время в этом подземном царстве тьмы текло иначе. Секунды растягивались в минуты, наполненные чистым, животным ужасом. Минуты превращались в часы бесконечного бегства. Казалось, он убегает уже целую вечность, а туннель не имеет конца – лишь бесконечная перспектива каменных стен, уходящих во мрак.

Разум отчаянно пытался найти логику, объяснение происходящему. Но логики здесь не существовало. Существовал только первобытный инстинкт выживания, заставляющий ноги двигаться, даже когда тело кричало о невозможности продолжать. Самойлов понимал – от этого преследователя не оторваться. За ним гналась не хищное животное, способное устать. Не человек, которого можно перехитрить. За ним гналась сама Смерть в её изначальном, непостижимом облике.

И всё же что-то внутри – некая иррациональная сила, вплетённая в самую ткань его сознания – не позволяло остановиться. Не позволяло сдаться. Запрещало принять неизбежное.

Внезапно он ощутил прикосновение. Холодное. Ледяное. Противоестественное. Словно сама пустота космоса коснулась его спины.

В следующий миг острая, невыносимая боль пронзила сердце. Она была настолько яркой, настолько реальной, что стёрла границу между сном и явью.

Он закричал.

Пробуждение

Продолжая судорожно хватать воздух ртом, Самойлов распахнул глаза. Реальность ворвалась в сознание резко, как удар холодной воды. Знакомая спальня. Приглушённый свет уличных фонарей, просачивающийся сквозь неплотно задвинутые шторы. Тишина ночного города.

По телу струился липкий, холодный пот. Простыня под ним промокла насквозь. Сердце билось так яростно, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Руки дрожали.

Разбуженная его криком жена приподнялась на локте. В её глазах читались тревога и усталость – усталость человека, который уже не первую неделю наблюдает, как любимый человек медленно разрушается изнутри.

– Опять? – голос её дрожал. – Саша, я умоляю тебя, сходи к психиатру. Пожалуйста. Из-за этих кошмаров твоя психика скоро не выдержит.

Она протянула руку, но он не ответил на прикосновение. Просто смотрел в потолок, пытаясь заставить дыхание выровняться, убедить тело, что опасность миновала, что это был всего лишь сон.

– Ты уже стал каким-то... другим, – продолжала жена, и в её голосе прорывалось отчаяние. – Нервным, издёрганым, словно натянутая струна. Боюсь, ты дойдёшь до срыва. Прошу, обратись к врачу. Ради меня. Ради нас.

Самойлов не мог ответить. Слова застревали в горле, сдавленном остатками ночного ужаса. Вместо ответа он молча встал с постели, взял пачку сигарет с прикроватной тумбочки и, не оборачиваясь, вышел в лоджию.

Размышления в ночи

Тёплая летняя ночь встретила его мягким дыханием ветерка. На небе мирно мерцали звёзды – вечные, безразличные свидетели человеческих трагедий. Город спал. Изредка проезжала машина, её фары вычерчивали призрачные узоры на асфальте. Тишина. Покой. Безопасность.

Но мозг продолжал жить приснившимся кошмаром. Туннель. Преследование. Прикосновение смерти. Всё это было настолько реальным, настолько осязаемым, что явь начинала казаться менее достоверной, чем сон.

Самойлов достал сигарету, прикурил. Глубоко затянулся, пытаясь сосредоточиться на физических ощущениях – жжении дыма в лёгких, горьком привкусе во рту, тепле тлеющего кончика между пальцами. Всё, что могло вернуть его в реальность.

«Какой раз уже приснилось? Седьмой? Восьмой?» – он честно пытался вспомнить, но цифры расплывались в памяти, наползая друг на друга.

«Каждый раз одно и то же. За мной гонится нечто страшное, воплощение кошмара. И каждый раз я не могу обернуться, не могу увидеть, от кого убегаю. Словно какая-то сила не даёт мне посмотреть в лицо своему преследователю. Почему?»

Он докурил сигарету, тут же достал следующую. Руки всё ещё слегка дрожали.

«Впервые этот кошмар посетил меня два месяца назад. Ровно в ту ночь, когда я вернулся из больницы после ранения. Совпадение? Или что-то большее?»

Самойлов закрыл глаза, позволяя памяти унести себя назад, к началу всей этой истории. К тому моменту, когда его жизнь разделилась на "до" и "после".

Решение вспомнить

«Нужно разобраться. Нужно вспомнить всё с самого начала. Может быть, в этих воспоминаниях скрыт ключ к пониманию того, что со мной происходит. Может быть, эти кошмары – не просто игра подсознания, а нечто большее. Предупреждение. Или проклятие».

Он открыл глаза, посмотрел на спящий город. Где-то там, в этой тишине и покое, скрывается правда. Правда о том, что превратило обычного офицера полиции в человека, боящегося собственных снов.

«С чего же всё началось?»

Первое преступление

Примерно год назад – нет, точнее, одиннадцать месяцев и три недели, он помнил эту дату с пугающей точностью – в пригороде был обнаружен труп младенца. Даже сейчас, спустя почти год, воспоминание об увиденном тогда заставляло желудок сжиматься в тугой узел.

Тело было изуверски изуродовано. Профессионально. Хирургически точно. У ребёнка отсутствовали внутренние органы – сердце, печень, глаза. Изъяты они были с такой аккуратностью, с таким мастерством, что патологоанатом, проводивший вскрытие, не скрывал шока. Разрезы выполнены в анатомически верных местах, острейшим инструментом, почти без лишних повреждений тканей.

Это было не просто убийство. Это было ритуальное действие. Или медицинская процедура. Или безумие, облечённое в форму профессионализма.

Экстренно создали оперативную группу. Дело было резонансным, пресса уже начинала истерику, родители по всему району не выпускали детей из дома. Возглавить расследование поручили ему – офицеру полиции с безупречной репутацией и солидным опытом.

Тогда у них было две основные версии.

Первая: убийство совершено с целью получения органов для трансплантации. В современном мире теневой рынок донорских органов процветал, несмотря на все усилия правоохранителей. Но эта версия вызывала массу вопросов.

Мёртвый ребёнок найден не в мегаполисе, где располагаются крупные трансплантологические центры, а в захолустье, рядом с провинциальным городом, где даже нормальной больницы толком не было. Самойлов консультировался с несколькими специалистами, пытаясь понять логику преступника.

С печенью и глазами всё было относительно ясно – эти органы востребованы, при совместимости их можно пересадить или подсадить даже взрослым реципиентам. Но сердце младенца? Его можно пересадить только ребёнку, причём операция эта относится к категории высокотехнологичных, их не «штампуют» на конвейере. О каждом доноре известно всё, каждый случай на учёте. Как такую операцию можно провести подпольно?

И главное – зачем убийца оставил труп на виду? Достаточно было закопать тело в лесу, и об этом преступлении, возможно, никогда бы не узнали. А здесь труп был брошен практически у тропы, ведущей к пляжу водохранилища. Словно убийца хотел, чтобы его нашли. Словно это было частью плана.

Вторая версия: преступление совершил психически больной человек. Маньяк. Сумасшедший, движимый собственными демонами и галлюцинациями.

Но против этой теории говорил профессионализм исполнения. Органы изъяты специалистом, человеком с медицинским образованием, возможно хирургом. В представлении Самойлова образ буйного психопата-шизофреника никак не вязался с такой точностью и аккуратностью работы. Это требовало холодного расчёта, твёрдой руки, знания анатомии.

Ещё одна странность – отсутствие заявления о пропаже ребёнка. Младенец исчез, но никто его не искал. Ни одного обращения в полицию, ни одного объявления. Словно этого ребёнка никогда не существовало. Или его никто не хватился.

Тем не менее обе версии были равнозначны по степени вероятности, и отработка велась в двух направлениях одновременно. Проверяли медиков с тёмным прошлым, пациентов психиатрических клиник, людей с криминальным опытом в сфере нелегальной трансплантологии.

Самойлов лично курировал каждое направление, вникал в каждую деталь. Он был уверен – это дело раскрывается. Рано или поздно убийца совершит ошибку, оставит след, проявит себя.

Он не знал, насколько страшно ошибался.

Вторая жертва

Через семь дней произошла новая трагедия. Преступление настолько жестокое, настолько бессмысленное в своей разрушительной ярости, что даже выдавшие виды оперативники выходили с места происшествия бледными и потрясёнными.

Труп обнаружила мать. Молодая женщина, которая буквально на полчаса отлучилась в ближайший магазин за продуктами, оставив годовалого сына спящим в кроватке. Всего тридцать минут. Полчаса, которые разрушили её жизнь, её рассудок, её веру в то, что мир может быть безопасным местом.

То, что она застала по возвращении, не выдержала её психика. Женщина впала в кататонический ступор прямо на пороге квартиры, где её и обнаружили вызванные соседями полицейские. Позже её поместят в психиатрическую клинику, откуда она не выйдет уже никогда, навсегда оставшись заложницей того кошмара, который увидела в собственном доме.

Картина, которую обнаружили прибывшие на место сотрудники, не поддавалась рациональному объяснению.

Квартира выглядела так, словно в ней бушевал ураган, управляемый безумием. Мебель перевернута, разбита, разбросана в хаотичном беспорядке. Посуда вдребезги. Книги, игрушки, одежда – всё смешалось в абсурдном коллаже разрушения. Стены испачканы человеческими экскрементами, словно кто-то методично, целенаправленно пытался осквернить это жилище.

Кровь. Её было много. Она забрызгала стены причудливыми узорами, её следы вели из комнаты в комнату, рисуя карту чудовищного преступления.

А на столе... На столе находились свидетельства того, что преступление не ограничилось убийством. Ужасающие следы каннибализма. Остатки того, что совсем недавно было живым, любимым ребёнком.

Преступник не просто убил. Он осквернил. Уничтожил. Превратил жизнь в кошмарную пародию на смерть.

И снова – профессионально изъятые органы. Та же хирургическая точность. Тот же почерк.

Самойлов стоял посреди этого кошмара, пытаясь сохранить профессиональное спокойствие, и понимал – они имеют дело не с обычным преступником. Это нечто иное. Нечто, что не укладывается в рамки привычной криминалистики.

Нечто, что вскоре станет его личным проклятием.

Глава 2. Расследование

Версии следствия, работа полиции

Первые результаты осмотра места преступления не оставляли сомнений: это был не хаотичный всплеск безумия одиночки. Слишком выверенными оказались действия убийц, слишком спокойной – их работа. Все ценности в квартире остались нетронутыми, будто преступники пришли за чем-то большим, чем материальные блага. В квартиру проникли профессионально – либо отмычкой, либо подобранными ключами, не оставив следов взлома.

Самойлов помнил, как постепенно, деталь за деталью, складывалась жуткая картина. Данные экспертиз говорили о том, что в квартире работали минимум три, максимум четыре человека. Каждый знал своё дело. Каждый выполнял отведённую ему роль в этом кошмарном спектакле.

– Группа, – констатировал генерал Воробьёв на первом же совещании, и его голос прозвучал устало. – Организованная, подготовленная группа.

Александр тогда почувствовал, как холод пробежал по спине. Одиночка-маньяк – это понятно, это укладывается в рамки привычного зла. Но группа... Группа означала систему, означала идеологию, означала, что это не закончится.

На раскрытие преступлений были брошены все имеющиеся силы. В город прибыли лучшие специалисты из центра – опытные криминалисты, профайлеры, эксперты по культовым преступлениям. Любая экспертиза проводилась в экстренном порядке, по первому требованию. Лаборатории работали круглосуточно.

Самойлов практически не покидал отделение. Сон урывками, кофе литрами, бесконечные совещания и разборы версий. Лица коллег становились всё более осунувшимися, глаза – всё более красными от недосыпа и напряжения. Но никто не жаловался. Каждый понимал: они работают против времени.

Напряжение в городе, масштабная операция

Город менялся на глазах. Атмосфера становилась всё более гнетущей, будто невидимая тяжесть давила на плечи каждого жителя. Люди, опасаящиеся за жизни своих детей, стали выходить на стихийные митинги, требуя от властей справедливости и защиты. Правомерно требуя поймать изуверов. Матери прижимали к себе малышей с отчаянием в глазах, отцы сжимали кулаки от бессильной ярости.

Резонанс преступлений всколыхнул не только город – вся страна следила за развитием событий. Средства массовой информации ежедневно, ежечасно информировали население о ходе следствия. Дело находилось на личном контроле генерального прокурора. Давление росло с каждым днём.

«Мы не имеем права на ошибку, – думал Самойлов, стоя у окна своего кабинета и глядя на притихший город. – Мы просто обязаны их найти».

Ни у кого теперь не возникало сомнений – в городе действовала сатанинская секта. Крайне опасная. Безжалостная. И, что пугало больше всего, невероятно дерзкая в своих действиях.

Полиция развернула масштабную операцию. Число сотрудников, задействованных в патрульно-постовой службе, было увеличено в десятки раз за счёт прикомандированных из соседних регионов. Большая часть работала под прикрытием – в гражданской одежде, ведя скрытое наблюдение по секторам. Город был поделён на квадраты, каждый квадрат – под контролем.

Оперативники активизировали работу со своими источниками. Агентурная сеть расширялась, каждый шёпот на улицах анализировался, каждый слух проверялся.

Происходило нечто невероятное: организованные преступные группировки сами выходили на контакт с правоохранительными органами. Одни спешили откреститься от этих преступлений, понимая, что обвинение в таком способно похоронить любой авторитет. Другие – и это поражало – вполне серьёзно предлагали свою помощь в поимке «нелюдей», как их называли на криминальном жаргоне.

– Это за гранью, – сказал Самойлову один из авторитетов на негласной встрече, и в его глазах читалось неподдельное отвращение. – Дети... Это не по понятиям. Если что узнаем – сразу вам.

В течение считанных дней преступность в городе практически замерла. Фиксировались лишь единичные бытовые инциденты, которые раскрывались моментально. Даже криминальный мир затаил дыхание, ожидая, чем закончится эта охота.

Проверили каждого медицинского работника – от ведущих хирургов до медсестёр пенсионного возраста. Несколько раз перепроверили всех состоящих на учёте психически больных. На железнодорожном вокзале и в аэропорту подняли данные обо всех проданных билетах, проверяя алиби каждого, кто уезжал или приезжал в роковой период.

Работа была титанической. Бесконечные списки, допросы, сверки. Александр помнил, как немели пальцы от перелистывания документов, как плыли буквы перед глазами после двадцатого часа на службе. Но останавливаться было нельзя.

Несмотря на все усилия, преступники оставались на свободе. У следствия не было зацепок, которые вывели бы на конкретных подозреваемых. И с каждым днём в душе Самойлова зрела странная, тревожная уверенность. Что-то в этом деле было неправильно. Что-то выходило за рамки обычной, пусть и чудовищной, преступности.

Он чувствовал – за этими исполнителями, за этими «недочеловеками», стояло нечто большее. Какая-то могущественная тёмная сила, которая руководила убийцами, направляла их действия и прятала от человеческого возмездия. Словно невидимая рука закрывала их от правосудия, дразня следствие собственной неуязвимостью.

«Бред, – убеждал он себя. – Усталость. Нервы». Но ощущение не отпускало, вращая всё глубже, превращаясь из смутного беспокойства в почти физическое присутствие чего-то злого и древнего.

Убийство священника

Новое преступление не заставило себя долго ждать. Прошло всего две недели – две недели лихорадочной работы, ложных надежд и горьких разочарований. Две недели, в течение которых весь город жил в ожидании: то ли ареста убийц, то ли новой трагедии.

Случилось второе.

Убили священника. Отца Михаила, который служил в старом храме на окраине города. Пожилого, доброго человека, которого знали и любили прихожане. Убили в его собственном доме, рядом с церковью.

Самойлов приехал на место преступления одним из первых. То, что он увидел, заставило на мгновение забыть о профессионализме. Его желудок сжался, во рту появился металлический привкус.

Труп священника был распят на перевернутом кресте. Множественные следы насилия, издевательств. Но не это потрясло больше всего. Преступники словно насмеялись над следствием: они оставили за собой целую россыпь улик. Окурки, отпечатки пальцев, следы обуви, биологические жидкости. Всё, что нужно для идентификации.

– Они не прячутся, – прошептал один из криминалистов, работавший на месте. – Им плевать.

И это было правдой. Создавалось жуткое впечатление, что преступников совершенно не волновали оставленные улики. Словно они знали что-то, чего не знало следствие. Словно были уверены в своей безнаказанности.

По результатам экспертиз удалось установить: это те же самые убийцы. Отпечатки совпадали. Следствие располагало теперь отпечатками пальцев, принадлежащих четверым фигурантам, образцами слюны, спермы, ДНК. У одного из маньяков даже оставили кровь – порезался, видимо, в процессе расправы.

На основании биохимических анализов специалисты реконструировали примерные портреты преступников. Группа состояла из четырёх мужчин. Возраст старшего – пятьдесят-шестьдесят лет. Двое среднего возраста, тридцать-сорок. И четвёртый, совсем молодой, скорее всего моложе двадцати.

Все четверо употребляли наркотики опиумной группы. У старшего обнаружили носительство австралийского антигена – признак хронического гепатита.

Казалось бы, этого более чем достаточно для поимки. Но реальность оказалась куда сложнее.

Полиция развернула параллельную операцию, работая одновременно с наркозависимыми и их поставщиками. Подняли архивы всех медицинских учреждений, проверяя каждого, кто когда-либо болел гепатитом или желтухой. Перетряхнули весь город.

Александр помнил эти бесконечные дни и ночи. Списки, фотографии, досье. Они сумели подтвердить алиби примерно у восьмидесяти процентов взрослого населения города. В эту категорию вошли женщины, пожилые люди, медработники, больные, путешествующие в нужные даты, и многие другие. Осталось около тридцати тысяч потенциальных подозреваемых.

Где-то среди этих тридцати тысяч и скрывались четверо убийц.

Телефон доверия раскалялся от звонков. Горожане сообщали любую информацию, даже самую незначительную. Мэр города пообещал крупную денежную награду за сведения, которые приведут к аресту.

Иногда казалось, что вот-вот, ещё немного – и маньяки будут в наручниках. Появлялась зацепка, начиналась проверка, поднимались оперативные группы. Адреналин в крови, учащённое сердцебиение, надежда...

И каждый раз след оказывался ложным.

Весь состав полиции – от рядового патрульного до генерала Воробьёва, руководившего операцией, – работал на износ. Люди забывали про семьи, про отдых, про собственное здоровье. Единственной целью стало предотвратить новое преступление. Найти убийц до того, как они нанесут следующий удар.

Самойлов спал по три-четыре часа в сутки, и даже в эти короткие часы сон не приносил покоя. Ему снились тёмные коридоры, детский плач, перевёрнутые кресты. Он просыпался в холодном поту, хватаясь за телефон, боясь пропустить важный звонок.

Коллеги смотрели друг на друга осунувшимися лицами, и в их глазах читался один и тот же вопрос: «Успеем ли мы?»

Но несмотря на все усилия, несмотря на титаническую работу сотен людей, трагедия свершилась.

Новое изуверство шокировало не только город. О нём заговорил весь цивилизованный мир.

Глава 3. Катастрофа

Резня в церкви

Месяц после распятия отца Михаила тянулся мучительно долго. Город жил в ожидании новой трагедии, словно затаив дыхание перед неминуемым ударом. И удар этот превзошёл самые страшные опасения.

Светлый весенний день, полуденная литургия в храме Святой Троицы – казалось, само солнце, заливавшее золотом купола, должно было защитить это намоленное место от зла. Но зло пришло под личиной благочестия, переступив порог святыни с молитвой на устах и ножом за пазухой.

Единственная выжившая, пожилая прихожанка Мария Петровна, умирала в реанимации три дня. Врачи боролись за её жизнь с отчаянием обречённых – слишком много она потеряла крови, слишком глубоки были раны. Самойлов дежурил у её постели, зная, что каждое слово этой женщины может стать ключом к разгадке. Но когда она наконец заговорила, он пожалел, что услышал.

– Он стоял рядом со мной, – шептала она, глядя в потолок невидящими глазами, – молодой человек, приятный такой, светлый. Я ещё подумала: вот радость-то, молодёжь к Богу потянулась... Он так истово крестился, так искренне губы шевелил...

Она замолчала, и Самойлов увидел, как по её бескровным щекам потекли слёзы.

– А потом... когда началась литургия верных... он вынул нож. Большой такой, страшный. И вонзил его женщине в спину. Она даже не успела вскрикнуть, только обернулась с удивлением... И тогда они все начали.

Мария Петровна задыхалась, врачи суетились вокруг неё, но она цеплялась за руку Самойлова с неожиданной силой.

– Их было много... Они закрыли двери. У выхода стоял старик с седой бородой, с такими глазами... Господи, с такими глазами... Он убивал всех, кто пытался бежать. Кривым ножом, как серпом... А они смеялись! Понимаете? Они резали нас и смеялись! И иконы резали, и утварь били... Кругом кровь, крики, стоны... А они смеялись...

Она умерла на следующее утро, так и не придя в сознание после этого разговора. Но её показания дали первую реальную ниточку.

Сорок четыре человека. Сорок четыре жизни, оборвавшиеся в месте, которое должно было быть убежищем. Когда Самойлов увидел фотографии с места преступления, его вырвало прямо в коридоре отдела. Даже выдавшие виды опера отворачивались от этих снимков.

Поимка студента

Описание внешности убийц, данное умирающей свидетельницей и несколькими ранеными прихожанами, позволило развернуть масштабную операцию по задержанию. Через несколько часов по городу были разбросаны десятки бригад, проверявших каждого подозреваемого. И один из них совпал слишком точно.

Двадцатилетний студент горного института Игорь Соловьёв. Отслужил в армии, учился на третьем курсе, жил с дедом в двухкомнатной квартире на окраине. Соседи характеризовали его как тихого, замкнутого парня, который в последние месяцы стал ещё более странным – перестал здороваться, бормотал что-то себе под нос, по ночам из квартиры доносились непонятные звуки.

Когда оперативная группа ворвалась в квартиру, первое, что их встретило, – запах. Сладковатый, удушающий, безошибочно узнаваемый запах разложения.

В платяном шкафу в спальне нашли деда студента, завёрнутого в ватное одеяло. Судя по состоянию трупа, старик был мёртв уже недели две. В холодильнике – органы. Человеческие и животных, аккуратно разложенные по пакетам, как продукты в обычной семье. На кухонном столе – ножи с вырезанными на рукоятках символами, значение которых предстояло ещё установить. И книги. Горы книг по демонологии, оккультизму, сатанинским ритуалам. На стенах – перевёрнутые кресты, нарисованные кровью пентаграммы, фотографии жертв.

Студента взяли, когда он спокойно шёл по улице, насвистывая что-то себе под нос. Он даже не пытался сопротивляться, только улыбался, глядя на оперативников той самой улыбкой, которую описывала умирающая прихожанка.

Самойлов вёл допрос сам. Он должен был – после церкви, после того, что он увидел на тех фотографиях, после рассказа Марии Петровны, он просто не мог доверить это никому другому.

Студент сидел напротив, развалившись с наглой непринуждённостью. Кровь на его одежде уже засохла, превратившись в бурые пятна. Под ногтями – чужая плоть. На губах – та самая улыбка.

– Где остальные? – Самойлов держал себя в руках из последних сил. Руки дрожали, челюсти сводило от желания стереть эту ухмылку с лица твари.

– А ты поищи, мент. – Голос у студента был спокойный, почти весёлый. – Мы везде. Мы всегда рядом. Ты смотришь на людей на улице и не знаешь, кто из них свой, а кто чужой. Может, твоя жена уже одна из нас? Может, твой начальник?

Самойлов чувствовал, как внутри него что-то рвётся. Все нормы, все правила, вся его профессиональная выдержка трещали под напором ярости. Сорок четыре человека. Младенцы с вырезанными органами. Распятый священник. И эта тварь сидит и улыбается.

– Последний раз спрашиваю, – голос Самойлова был тих и страшен, – где остальные члены вашей секты?

– В аду встретимся, мент вонючий. – Студент наклонился вперёд, и в его глазах полыхнуло что-то нечеловеческое. – И там я лично буду резать твоих детей. Снова. И снова. И снова. Вечно.

Самойлов сорвался. Он знал, что не должен, знал, что это нарушение, что его за это могут снять с дела, но ему было всё равно. Рука сама потянулась к кобуре. За спиной раздался голос генерала Воробьёва:

– Саша. Не надо. Не опускайся до его уровня.

Самойлов медленно разжал пальцы. Студент хихикнул:

– Слабак. Все вы слабаки. Поэтому мы и побеждаем.

– Принести динамо-машину, – услышал Самойлов собственный голос как будто со стороны. Он не узнавал себя. Где-то внутри тихо кричала совесть, но её голос тонул в грохоте ярости. – Мы вытащим из него всё.

Студент продолжал улыбаться, но в глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение. Словно он добился именно того, чего хотел.

Через минуту в комнату внесли прибор. Самойлов смотрел на студента, и внутри него боролись две силы – профессиональный долг и жажда мести. Он знал, что переступает черту. Знал, что станет немного другим после этого. Но сорок четыре человека...

– Всё вернётся на круги свои, – прошептал студент. – Мы ещё встретимся.

И тут из его рта хлынула кровь. Густая, почти чёрная, она лилась потоком, заливая подбородок, грудь, пол. Студент дёрнулся раз, другой, его глаза вылезли из орбит, тело изогнулось в невозможной судороге – и обмякло.

Через две минуты врач констатировал смерть. Студент откусил собственный язык и захлебнулся кровью.

Самойлов смотрел на бездыханное тело и чувствовал странную пустоту. Не облегчение. Не удовлетворение. Просто... пустоту. И голос в глубине сознания, тихий и настойчивый: «Он победил. Ты чуть не переступил черту, и это уже его победа».

Операция в склепе

Но смерть студента не остановила следствие, а, напротив, подстегнула его. В квартире погибшего нашли фотографии, на которых он был запечатлён с несколькими другими молодыми людьми. Экспертиза установила личности троих. За ними немедленно установили наблюдение.

И уже к вечеру два подозреваемых повели оперативников на городское кладбище. Старое, заброшенное, с полуразрушенными склепами и покосившимися крестами. Место, где даже днём было неуютно, а с наступлением сумерек оно превращалось в декорацию к фильму ужасов.

Подозреваемые скрылись в одном из склепов. Оперативники ждали всю ночь, но те не вышли. Рассвет принёс разгадку – в склепе обнаружили подземный ход. Старый, узкий, уходящий в темноту туннель, сложенный из древнего кирпича. Направление указывало на заброшенный монастырь, что стоял на окраине города уже больше трёхсот лет.

Самойлов вызвался идти первым. Генерал Воробьёв пытался отговорить его – после истории со студентом Александр был на грани нервного срыва. Но Самойлов настоял. Ему нужно было закончить это дело. Нужно было искупить ту секунду, когда он чуть не превратился в такого же монстра, каких сам ловил.

В состав штурмовой группы включили ещё восьмерых бойцов из регионального отдела быстрого реагирования. Профессионалы, каждый со стажем спецопераций. У каждого – автомат, фонарь, средства связи, защитная амуниция. План был прост: войти, найти сектантов, взять живыми или нейтрализовать, выйти.

Ровно в девять утра группа начала спуск.

Туннель встретил их сырым холодом и абсолютной тишиной. Фонари выхватывали из темноты фрагменты кирпичной кладки, местами покрытой плесенью и какими-то странными наростами. Пахло землёй, гнилью и ещё чем-то неопределимым – чем-то неправильным.

– База, на связи, – Самойлов говорил в рацию, слушая треск помех. – Вход свободен, продвигаемся вглубь.

– Вас понял, – ответил голос оператора. – Держите связь.

А потом...

Потом была пустота.

Пробуждение в больнице

Самойлов открыл глаза и не узнал потолок. Белый, ровный, с люминесцентными лампами – больничный потолок. Пахло хлоркой и лекарствами. Где-то рядом попискивал монитор, отслеживающий сердцебиение.

– Жив, – услышал он чей-то голос. – Господи, он жив.

Повернуть голову было почти невозможно – каждое движение отзывалось острой болью. Но он увидел генерала Воробьёва, стоящего у кровати. Лицо генерала осунулось, постарело, глаза были красными от бессонницы.

– Что... – голос не слушался, превращался в хрип. – Что случилось?

Воробьёв тяжело опустился на стул.

– Не знаю, Саша. Никто не знает.

И он рассказал. Рассказывал долго, с паузами, подбирая слова, и с каждым словом Самойлов чувствовал, как внутри него растёт холод.

Связь с группой оборвалась через десять минут после входа в туннель. Ждали два часа. Потом послали вторую группу – двенадцать бойцов, лучшие из лучших, с усиленным оборудованием связи.

Метрах в трёхстах от входа они наткнулись на обвал. Свежий, ещё дымящийся обвал, перекрывший туннель полностью.

Разбирали завал трое суток. Нашли восемнадцать тел. Девять спецназовцев. Девять сектантов. И его, Самойлова, – единственного живого.

– Но это ещё не всё, – голос Воробьёва дрогнул. – Патологоанатомы... Саша, это невозможно, но они утверждают, что некоторые тела... некоторые из ваших ребят были мертвы за несколько дней до операции.

– Что? – Самойлов попытался подняться, но боль пригвоздила его к кровати. – Это бред, мы входили...

– Я знаю. – Воробьёв провёл рукой по лицу. – Я сам их инструктировал за час до выхода. Но эксперты настаивают – трупное окоченение, начало разложения... Всё указывает на то, что они были мертвы минимум трое суток. Это невозможно, но это факт.

В голове Самойлова крутилась одна мысль: что же произошло в том туннеле?

– Я не помню, – прошептал он. – Совсем ничего.

– Ретроградная амнезия, – кивнул Воробьёв. – Врачи говорят, это нормально при черепно-мозговой травме. У тебя было сотрясение, два сломанных ребра, внутреннее кровотечение... Чудо, что выжил.

– А остальные... – Самойлов не смог закончить фразу.

Генерал молча качал головой.

Потом были долгие дни в больнице. Врачи, процедуры, попытки вспомнить. Но память молчала, отгораживаясь от тех событий непроницаемой стеной. Иногда, засыпая, Самойлов видел обрывки – зелёное пламя, чёрные фигуры, крики. Но стоило ему попытаться сфокусироваться, как видения рассыпались, оставляя только смутное ощущение ужаса.

Коллеги навещали его, рассказывали о ходе следствия. Благодаря обыску квартиры одного из погибших сектантов удалось найти список членов организации. Имена были зашифрованы – Каин, Хам, Авессалом, Далила, Ирод. Всего одиннадцать человек. Десять из них мертвы. Остался один – Ирод. Его ищут, но безрезультатно.

Последствия и загадки

Через неделю после пробуждения Самойлова на консилиуме врачей ему разрешили читать материалы дела. Генерал Воробьёв принёс толстую папку с отчётами, фотографиями, экспертизами. И чем больше Самойлов читал, тем меньше понимал.

Завал разбирали ещё долго после того, как нашли тела. Туннель уходил вглубь, стены были аккуратно сложены из старого кирпича, пол вымощен булыжником. Всё говорило о том, что это древнее сооружение, возможно, XVII или даже XVI века. Копали метров сто – медленно, осторожно, с археологической точностью.

И вдруг туннель просто... кончился.

Не обвалом. Не тупиком. Он просто прекратил существовать. Стены, пол, потолок – всё исчезло, как будто древние строители, дойдя до определённой точки, решили оставить работу незавершённой. Хотя до монастыря оставалось пройти меньше половины пути.

Геологи строили теории. Археологи спорили. Строители качали головами. Никто не мог объяснить, почему туннель обрывается на полпути, да ещё так – резко, без всяких признаков обвала или разрушения. Словно кто-то стёр остаток пути из реальности.

В квартире сектантки, известной как Далила, а в обычной жизни – учительницы начальных классов Светланы Игнатъевой, нашли дневники. Исписанные мелким убористым почерком тетради, в которых она подробно описывала ритуалы секты. Убийства младенцев. Распятие священника. Подготовку к резне в церкви. И ещё что-то – что-то о «Пробуждении», о «Вратах», о «Том, Кто Придёт».

Последняя запись в дневнике была сделана в день операции в склепе:

«Сегодня они придут. Мы знали, что придут. Но они не понимают, что идут не за нами. Они идут к Нему. И когда врата откроются, когда Он шагнёт в наш мир, все их оружие, вся их сила будут бесполезны. Ирод завершит ритуал. Ирод приведёт Его. И тогда мир изменится навсегда».

Самойлов перечитывал эти строки снова и снова, пытаясь понять. Кто этот «Он»? Какие врата? И главное – жив ли до сих пор Ирод? И если да, то где он?

Криминалисты установили, что подчерк в дневнике принадлежит Игнатъевой. Она действительно это писала, находясь в здравом уме. Не под воздействием наркотиков, не в состоянии психоза. Она верила в каждое слово.

А Самойлов лежал в больничной палате, смотрел в потолок и пытался вспомнить. Что же произошло в том туннеле? Почему из девяти бойцов выжил только он? И главное – видел ли он Того, о ком писала Игнатьева?

Память молчала. Но сны... сны говорили.

Он видел один и тот же кошмар. Тёмный туннель, погоня, нечто ужасное за спиной. И в конце – прикосновение. Холодное, мертвящее прикосновение чего-то нечеловеческого.

Врачи списывали это на посттравматический синдром. Но Самойлов знал – это не просто сон. Это память, которую его сознание не может принять. Которую оно прячет за барьером амнезии, потому что правда слишком страшна.

А где-то там, в городе, на свободе остался Ирод. Последний член секты. Тот, кто должен был «завершить ритуал». И Самойлов чувствовал – это ещё не конец. Это только начало.

Возвращение

Первый луч рассвета проник сквозь щель в шторах, окрасив спальню в серо-розовые тона. Самойлов стоял на балконе, глядя на просыпающийся город. В пепельнице лежала гора окурков – за ночь он выкурил почти две пачки, пытаясь разобраться в своих воспоминаниях, в этом головокружительном водовороте событий, который привёл его на больничную койку.

Сейчас, когда всё было позади, когда раны зажили, а врачи выписали его с формулировкой «годен к службе с ограничениями», события в туннеле казались каким-то безумным сном. Но могилы девяти товарищей напоминали – это было реальностью.

Жена мирно спала в спальне, иногда улыбаясь во сне. Самойлов смотрел на неё и чувствовал укол вины. С момента выписки из больницы он изменился. Охладел к ней, стал отстранённым, погружённым в себя. Раньше между ними была идиллия, они понимали друг друга с полуслова. Теперь же он чувствовал, словно между ними встала невидимая стена.

Что-то изменилось внутри него. Что-то сломалось или, наоборот, пробудилось в том проклятом туннеле. Он ловил себя на том, что разглядывает прохожих на улице. Не в сексуальном смысле – хотя жена именно так и воспринимала его взгляды, закатывая истерики. Нет, он искал кого-то. Какое-то лицо, какую-то фигуру, которая должна была быть знакома, но которую он не мог вспомнить.

Пора было собираться на работу. Сегодня последний день перед отпуском. Генерал Воробьёв настоял, чтобы он взял месяц отдыха после всего произошедшего. «Съезди куда-нибудь, – говорил генерал, – отдохни, забудь об этом кошмаре. Поверь, Саша, тебе нужно отключиться».

Но Самойлов знал, что не сможет отключиться. Не сможет забыть. Десять сектантов мертвы, но Ирод на свободе. Где-то там, возможно, совсем рядом, ходит человек, который должен был «завершить ритуал». Который, возможно, уже завершил его.

Он затушил последнюю сигарету, выбросил пустую пачку и направился в спальню одеваться. Нужно было держаться. Ещё один день. Потом отпуск. А там... там видно будет.

Глава 4. Дайана

Встреча

Капитан полиции Самойлов заканчивал рабочий день. Подойдя к окну кабинета, он посмотрел на хмурое небо, непрерывно изливающее морсящий дождь. Вспомнил ясные летние дни, свой отпуск в сибирской деревушке – как с женой и сыном рано утром ловил рыбу в небольшой таёжной речке.

Телефонный звонок оборвал воспоминания. Звонил дежурный сержант.

– Товарищ капитан, к вам посетительница. Иностранка, кажется, француженка. Говорит, что вы её знаете. Представилась Дайаной.

– Пропусти.

Самойлов положил трубку и в недоумении уставился на дверь. Кто такая эта Дайана? Почему она утверждает, что он должен её знать? За всю жизнь он не был знаком ни с одной иностранкой.

Дверь распахнулась. В кабинет вошла молодая женщина – золотистые волосы до плеч, выразительные глаза, изящные черты лица.

– Здравствуй, Саша, – произнесла она с лёгким акцентом, и улыбка осветила её лицо.

Сердце Самойлова болезненно сжалось. Он где-то видел её. Эти волосы, эти глаза, эти губы – он знал их. Сладкая боль пронзила грудь, сердце бешено застучало.

«Нет, этого не может быть. Это наваждение. Я не знаю её».

Огромным усилием воли он взял под контроль охватившие его чувства.

В её взгляде сначала читалась радость и ожидание – она явно думала, что он бросится к ней как к давней знакомой. Но по мере затягивания паузы в глазах появилось недоумение.

Самойлов молча ждал объяснений.

Женщина подошла к нему, взяла за руку и, пристально глядя в глаза, спросила:

– Разве ты не узнаёшь меня? Или только делаешь вид?

Самойлов продолжал молчать.

– В прошлом году в подzemелье ты нашёл меня, – её голос дрожал. – Долго сомневалась – сон это был или явь. Но я уже любила. А потом увидела тебя в новостях и поняла, что всё было правдой.

Она затряслась, упала на колени и обхватила его ноги. Слезы потекли по её щекам.

– Саша, я люблю тебя! Почему ты молчишь? Ответь хоть что-нибудь! Ты бессердечный!

Самойлов растерялся. Безумная? И снова это проклятое подzemелье. Может, розыгрыш? Но, глядя на страдания женщины, он отбросил эту мысль. Пятнадцать лет в органах научили его разбираться в людях. Этот чувственный взгляд, эту интонацию невозможно разыграть.

Значит, психически больная. Но что она делает в России?

Самойлов взял её за плечи, усадил на стул и налил воды.

– Мадам, успокойтесь. Давайте по порядку. Как вас зовут?

Она подняла на него глаза. Взгляд её померк. Дайана достала зеркало и платок, вытерла расплывшуюся тушь, откинула прядь волос со лба и встала.

– Простите. Я приняла вас за другого. Обозналась. А может быть, ничего этого и не было – всё лишь моя фантазия.

Она направилась к выходу.

Уже открывая дверь, женщина обернулась. Некоторое время смотрела на него, потом спросила:

– Саша, зачем ты со своим другом убил лесничего?

Самойлов вздрогнул. Откуда она знает? Ведь он не говорил ни одному человеку о том, как в юности отправился с товарищем на охоту в тайгу. В тот день на них свалилось несчастье за несчастьем. Они заблудились в знакомой тайге, неудачно ранили лося и долго преследовали раненого зверя. Уже смеркалось, когда за кустом затрещал сушняк. Его товарищ выстрелил навскидку. Когда обошли бурелом, вместо лося обнаружили человека. Лесничий был убит наповал пулевым ранением в грудь.

Они похоронили его и договорились молчать. Успокаивало одно – погибший был одинок, на свете не прибавилось ни сирот, ни вдов. Через несколько дней его товарищ при странных обстоятельствах утонул в реке. И он один стал хранителем этой страшной тайны.

Время шло. С годами он забыл о трагическом происшествии. Судьба забросила его далеко от тех мест, где ничего не напоминало о случившемся. На охоту он после этого ни разу не ходил.

Но откуда она узнала? Ведь никто не знал!

Самойлов очнулся и бросился за женщиной. Пробежав мимо удивлённого дежурного, он выскочил на улицу. Её нигде не было.

Поиски

Этой ночью ему не спалось. Мучили вопросы без ответов. Одно он ясно осознавал – всё произошедшее связано с тем проклятым подземельем. Если вспомнить, что произошло тогда, многое прояснится. Он должен найти эту иностранку.

Следующий день принёс неудачу. Дайану найти не удалось. Её как будто кроме него и дежурного сержанта вообще никто не видел – ни в аэропорту, ни в гостиницах, ни на вокзале.

Ещё через день он обратил внимание на сводку: в десяти километрах от города найден брошенный «Мерседес». При осмотре обнаружили документы на имя подданной Франции. Среди вещей – флеш-накопитель с записью документального фильма ВВС, где был репортаж годичной давности о проводимой операции по задержанию сатанистов.

Убийство генерала

В обед по тревоге подняли весь личный состав. В двух километрах от брошенной машины, в перелеске, нашли труп начальника управления полиции генерала Воробьева. Застрелен двумя выстрелами в упор.

Самойлов выехал на место происшествия. Генерал лежал на пожелтевшей траве, раскинув руки. Открытые глаза были обращены к небу. Бригада экспертов работала полным ходом.

Оружие убийцы не обнаружили, но нашли гильзы от пистолета Макарова и отпечатки женской обуви. Службная собака взяла след, который вывел на деревенское кладбище. Дальше овчарка запуталась. Окружающую местность тщательно прочесали, но ничего стоящего не нашли.

Вернувшись в отделение, Самойлов написал рапорт начальству о визите Дайаны. Об эпизоде с лесничим умолчал.

Допрос

Вечером, во время ужина, к нему домой приехали четверо сотрудников полиции вместе с помощником прокурора.

– Капитан Самойлов, вам необходимо пройти на допрос по делу об убийстве генерала Воробьёва.

В отделении его поместили в комнату для задержанных. Началась череда бесконечных допросов, переходивших из дня в ночь и снова в день.

Баллистическая экспертиза установила, что стреляли из его бывшего табельного оружия – того самого, которое числилось за ним во время операции в подzemелье и позже не было найдено. В том, что стреляла Дайана, следствие не сомневалось – следы обуви возле машины и трупа совпадали. В руке генерала нашли обрывок ткани, схожий по цвету с одеждой подозреваемой.

Сержант Конюхов дал показание, что француженка приходила к капитану, пробыла у него минут пятнадцать, после чего вышла со слезами на глазах. Следом за ней выбежал возбуждённый Самойлов.

Все аргументы были не в его пользу. Его обвиняли в соучастии, добивались признания вины и раскрытия мотивов убийства. Ответ Самойлова, что у него не было никаких причин убивать генерала, следователей не устраивал. От него требовали указать место, где скрывается иностранка. Он не имел об этом понятия – ровным счётом ничего о ней не знал.

На допросе ему сообщили одну подробность: оказывается, Дайана ранее на родине находилась на лечении в психиатрической клинике.

Двое суток его постоянно водили на допрос. Он отвечал, если имел что сказать. Ему не верили. Пока допросы проводились в рамках дозволенного. Но Самойлов знал практику местных оперов. Сегодня-завтра с него будут выколачивать показания иными методами. К этим незаконным методам он и сам ранее прибегал при упорстве подозреваемых.

Пытка

На третий день в камере его избили. Конвоировали в допросную, волоча по коридору. В помещении, кроме старшего лейтенанта, присутствовали двое незнакомых здоровенных сотрудников в штатском.

– Самойлов, когда и где вы познакомились с Дайаной?

– Второго октября, примерно в шесть вечера, дежурный сообщил...

Его грубо оборвали:

– Эту байку мы уже наизусть знаем. Отвечай, когда действительно познакомился?

– Я не был ранее знаком с Дайаной.

Один из верзил подошёл, приподнял его за грудки и резко ударил в солнечное сплетение.

Самойлова скрутило. Он пытался сделать вдох, но боль не давала расправить лёгкие.

– Где и когда? – процедил сквозь зубы бугай и нанёс удар ногой в живот.

В глазах потемнело.

Он открыл глаза. Парень в штатском стоял над ним и поливал водой из графина.

– Очнулся, – сказал он старлею.

Самойлова схватили за шиворот и усадили на стул.

– Александр Владимирович, где мы познакомились с француженкой? – улыбаясь, спросил старший лейтенант. – У нас есть показания дежурного, что после вашего разговора с ней вы были очень возбуждены. В её машине обнаружен документальный фильм с вашим участием. Наконец, она убила генерала Воробьёва из оружия, ранее закреплённого за вами.

– Я не знаком с ней.

Старший лейтенант кивнул. Один из верзил схватил Самойлова за горло и начал сдавливать железными пальцами. В голове зазвенело, глаза вылезали из орбит. Он начал терять сознание, когда душитель ослабил хватку.

– Я видел её только один раз в жизни, – прохрипел капитан.

Старший лейтенант, улыбаясь, наблюдал за ним.

– Самойлов, пойдёшь сейчас в камеру к уголовникам.

– Надеюсь, их общество будет приятнее вашего, – выдавил из себя кривую улыбку Александр.

Сыворотка правды

Следующие дни превратились в бесконечную череду избиений, угроз и бессонницы. Самойлов держался, но силы таяли. Они добивались признания любой ценой.

На четвёртый день в допросную вошёл врач.

– Сыворотка правды, – коротко бросил старший лейтенант.

Доктор, порывшись в чемоданчике, достал шприц и ампулу. Набрал раствор, подошёл к Самойлову. Нашупав вену, воткнул иглу и медленно стал вводить препарат.

Лейтенант начал задавать вопросы:

– Когда ты познакомился с Дайаной?

Александр не мог сопротивляться. Он ощутил, что полностью находится во власти лейтенанта. Что бы тот ни спросил, он ответит только правду. Капитан рассказал всё, что произошло в тот день. Он не смог утаить и историю про лесничего.

Эта новость обрадовала лейтенанта, но он, по-видимому, считал, что Самойлов рассказал не всё, и пытался добиться сведений о Дайане. Александру больше нечего было сказать.

– Добавь ещё, – приказал лейтенант доктору.

– Но я и так ввёл максимальную дозу. Он может впасть в кому.

– Я сказал – вводи! – рыкнул лейтенант.

Доктор пожал плечами:

– Хорошо, но я не отвечаю за последствия.

Снова набрав раствор в шприц, врач стал вводить его в вену.

Раздвоение

Сильно закружилась голова. В ушах появился всё нарастающий звон. Потом откуда-то издалека стали раздаваться удары колокола. В глазах потемнело. Какие-то неясные силуэты проносились перед ним.

Он ощутил странную вибрацию – будто раздваивается. Его сознание отделилось от тела и стало медленно вращаться вокруг этого уже мёртвого организма. Вращение становилось всё быстрее и быстрее. Это уже настоящий смерч.

И вдруг в центре этого ужасающего торнадо вспыхнула вспышка света. В тот же миг из одного целого сознания образовались две души.

Самойлов вспомнил всё.

Глава 5. В Пасти Лабиринта

Дорога Смерти

Ровно в девять утра они вошли в склеп. Туннель уходил вглубь – древний, выложенный массивным кирпичом на старинном растворе, который не крошился веками. Свод над головой терялся в темноте, булыжная кладка под ногами заставляла постоянно смотреть вниз. Самойлов шёл первым, сжимая оружие. Холод подземелья вьедался в кожу, но это был не обычный холод – в нём чувствовалось что-то чужое, древнее.

Метров через двести связь с поверхностью оборвалась.

– Капитан, нет сигнала, – доложил Ильин.

Самойлов кивнул. Группа была экипирована для автономной работы – отсутствие связи не являлось поводом прерывать задание. Но ощущение изоляции легло тяжёлым грузом на плечи. Ещё через двести метров упёрлись в стену. На ней огромными буквами была выбита надпись:

VIA MORTIS

– Английский? – негромко спросил один из бойцов.

– Латынь, – ответил Самойлов, проводя рукой по холодному камню. – «Дорога смерти».

Молчание сгустилось. Старший лейтенант Шашмоллов поднял приклад автомата, намереваясь простучать стену. Но оружие вошло в камень, словно нож в масло.

– Какого чёрта?! – Шашмоллов отпрянул, побледнев.

Несколько секунд стояли молча, уставившись на стену. Дмитриев осторожно протянул руку – его пальцы скользнули внутрь без сопротивления.

– Я такого не видел, – прохрипел сержант Ильин.

Самойлов чувствовал, как внутри нарастает тревога. Всё это было неправильным. Но возвращаться – значит потерять след сектантов, дать им время скрыться или завершить ритуал.

– Капитан, – Шашмоллов смотрел на него выжидающе, – может, запросим подкрепление? Специалистов каких-нибудь?

– На это уйдут часы. Может, дни. – Самойлов помедлил, глядя на стену. – Проверим, что там. Быстро. Если что-то не так – сразу назад.

Он первым шагнул в стену.

Зал Пяти Углов

По ту сторону продолжался туннель, но это уже была природная пещера с неровными стенами. Группа молча вошла следом. Вскоре коридор расширился в огромный зал, способный вместить два десятка автобусов. Своды терялись наверху, и там, в темноте, зияла огромная пятиконечная звезда из глубоких трещин. Самойлов не мог понять – создала ли её природа, или чья-то нечеловеческая воля.

На противоположной стороне зала виднелись два прохода.

– Разделимся, – решил Самойлов после короткого совещания. – Шашмолов, берёшь своих и идёшь налево. Мы – направо. Связь каждые пять минут.

Группа Самойлова – он сам, сержанты Ильин, Дмитриев, Данилов и Карандаш – двинулась в правый туннель. Дно было усыпано крупными камнями, приходилось перепрыгивать с валуна на валун. Ход плавно уходил вниз. Появился слабый сквозняк, принёсший из глубины тошнотворно-сладкий запах разложения.

Стены становились влажными. Кое-где проступала зеленоватая слизь, которая пузырилась и лопалась, источая тот самый запах. С каждым шагом сырость нарастала. Со стен потекли струйки мутноватой жидкости, внизу они сливались в ручейки, превращаясь в поток, устремлённый вглубь подземелья. Вода оказалась тёплой, почти горячей. От неё поднимался пар, превращая туннель в клубящийся туман.

Самойлов чувствовал, как напряжение сжимает затылок. Что-то здесь было не так. Всё это место было неправильным.

Исчезновение

– Капитан!

Крик Данилова был пронзительным, полным паники. Самойлов развернулся – остальные уже оборачивались, автоматы вскинуты, пальцы на спусках. Данилов, шедший предпоследним, дико вращал головой.

– Где Карандаш?

– Что значит «где»?

– Он только что был позади меня! Я слышал его шаги! – Данилов побледнел. – Буквально десять секунд назад!

Четыре мощных луча ударили назад, пробивая туман метров на тридцать. Пусто. Только клубящийся пар и тишина.

– Ты что-нибудь слышал? – голос Самойлова прозвучал глухо. – Крик? Борьбу?

– Ничего. Совсем ничего.

Холод прополз по позвоночнику капитана. Человек не мог бесследно исчезнуть за десять секунд.

– Всем назад! Максимальная готовность!

Группа развернулась и ринулась обратно, готовая открыть огонь в любой момент. Но через несколько минут все застыли как вкопанные.

Вода текла вниз.

Искажение

Они бежали обратно, вверх по склону, но вода по-прежнему текла вниз. Это было невозможно. Когда они развернулись, поток бил им навстречу, затруднял движение. А теперь – снова попутный. словно верх и низ поменялись местами.

– Что за... – Дмитриев не договорил, глядя себе под ноги.

Все уставились на воду, бегущую в ту же сторону, куда они двигались. Вниз. Туда, откуда только что вернулись.

Самойлов почувствовал, как ледяной ком страха заполняет его изнутри. Разум отказывался принимать происходящее. Законы физики переставали работать. Пространство само по себе стало враждебным.

– Капитан... – голос Ильина дрожал. – Что происходит?

– Поворачиваем, – Самойлов с усилием выдал из себя слова. – Медленно. Смотрим под ноги и на стены. Ищем боковые проходы. Мы могли их не заметить.

Двинулись обратно, уже не бегом, а осторожно, всматриваясь в каждую щель. Надежда теплилась – может, они просто пропустили развилку, и вода течёт из бокового русла?

Но никаких ответвлений не было.

Через несколько десятков метров поток замедлился. Затем наступила короткая полоса штиля – вода едва шевелилась. А потом она снова побежала попутно с ними. Вниз.

Словно они перевалили через невидимую вершину горы, где находился скрытый источник. Но ведь никакой вершины не было. Как не было и источника.

Данилов упал на колени прямо в воду.

– Где мы? Где мы, б*ядь?!

Дмитриев матерился сквозь зубы, непрерывно, монотонно. Ильин крепко сжимал автомат, костяшки пальцев побелели.

Самойлов понял: отступить больше некуда. Пространство вокруг них изменилось, стало живым, враждебным. Оно не выпустит их. Остаётся только одно – идти туда, куда оно хочет их завести.

– Всем взяться друг за друга, – скомандовал он. – Данилов, контролируй тыл. Каждые тридцать секунд доклад.

Сбились в кучку и медленно двинулись вниз. Наверху был полдень – значит, три часа как они вошли в подземелье. Самойлов приказал потушить два фонаря, экономя заряд. Теперь свет горел только впереди и сзади.

Кровавая Река

– Капитан, – голос Дмитриева был странно ровным. – Кровь.
Поток окрасился в красный цвет. Густой, тёмный. Никто не сомневался – это была именно кровь.

Остановились. Ждали.

Сверху, оттуда, где они только что прошли, поплыли предметы. Сначала один. Потом ещё. И ещё.

Самойлов почувствовал, как волосы зашевелились на голове.

Дмитриев застонал.

Данилова вырвало прямо в воду.

Ильин с силой сжал его локоть.

Вода несла разорванные тела левой группы. Оторванную руку в рукаве камуфляжа. Голову лейтенанта Шашмоллова с выпученными, безумными глазами. Обрывки плоти, куски мяса, клочья одежды. Всё это проплывало между ними, ударялось об ноги, застревало между стенами и живыми.

Самойлова вырвало. Их всех выворачивало наизнанку, пока этот кошмар не прошёл мимо.

Стояли молча, не шевелясь. Ждали. Что-то должно было произойти. Что-то ужасное.

– Капитан, – голос Ильина был надломленным. – Куда мы попали?

– Лучше спроси, куда мы придём, – прохрипел Данилов. – Если уже видим такое по пути.

– Оно нас не выпустит, – Дмитриев резанул короткой очередью в туман. – Но просто так я не сдохну.

Звук выстрелов был странным – глухим, без эха, словно туннель поглощал звук.

Самойлов поднял голову. Сержанты смотрели на него, ожидая приказа. Слов. Чего угодно.

– Слушайте меня, – он говорил тихо, но жёстко. – Пути назад нет. Что-то здесь охотится на нас и хочет затащить вниз. Хорошо. Мы спустимся. Но если эта тварь появится – вгоним в неё весь боезапас. Мы не овцы на убой. Понятно?

– Понятно, капитан.

Бросок

Снова двинулись вперёд, готовые к схватке. Самойлов ждал нападения каждую секунду. И всё же оно произошло неожиданно.

Словно десятки, сотни невидимых рук одновременно схватили его тело. Чудовищный рывок – и его бросило вперёд с нечеловеческой силой. Сколько метров он пролетел, Самойлов не знал. Спасло только то, что участок шёл под наклоном и был без валунов. Ударился о землю, покатился кувырком в воде, не в силах остановиться. Потом – мгновение свободного падения, и он с головой погрузился в тёплую жидкость подземного озера.

Достал телом дна, оттолкнулся, вынырнул.

Кругом темнота. Только глухой шум падающей воды.

Самойлов поплыл прочь от водопада. Страх сжимал горло – сейчас повторится тот бросок, или случится что-то ещё хуже. Но ничего не происходило. Он плыл, и тьма оставалась безмолвной.

Через какое-то время появился новый страх – что этому озеру нет конца, что ему суждено утонуть здесь, в абсолютной темноте.

Наконец пальцы коснулись дна. Самойлов встал, шатаясь пробрался к берегу. Сел в изнеможении и только тогда ощутил боль – всё тело выкручивало и ломало. Сознание поплыло.

Блуждание

Очнулся в темноте. Сколько прошло времени – непонятно. Часы не работали, фонарь потерял при падении, часть снаряжения тоже.

Что с остальными? Живы?

– Эй! – крикнул он в темноту. – Ильин! Данилов!

Тишина.

– Кто-нибудь!

Тишина.

Самойлов встал и побрёл наугад, пока не наткнулся на стену. Пошёл вдоль неё, ощупывая холодный камень. Сколько он так двигался – три часа или двенадцать – не понимал. Время потеряло смысл.

Он садился отдохнуть, проваливался в забытье, очнувшись, снова заставлял себя идти. Где-то он вошёл в туннель – обнаружил параллельную стену. Пол стал ровным, мощёным камнем. Шум водопада давно затих.

Хотелось есть. От усталости он всё чаще падал, всё труднее было вставать. С каждым шагом надежда таяла.

И вдруг – впереди появилась полоска света.

Невозможная Встреча

Самойлов побежал, спотыкаясь, едва не падая. Свет приближался, становился ярче. Ослепительный луч ударил в глаза, и он зажмурился.

– Стоять! Руки вверх!

Самойлов вздрогнул, словно его пронзил электрический разряд.

Не оттого, что услышал человеческую речь. Не оттого, что ему приказали поднять руки.

Он узнал этот голос.

Голос старшего лейтенанта Шашмолова. Чью оторванную голову с выпученными глазами он видел собственными глазами, проплывающую мимо в кровавой воде.

Самойлов стоял, не в силах пошевелиться. Не в силах вдохнуть. Разум отказывался принимать реальность.

– Александр Владимирович, это вы?

Голос Шашмолова – живой, удивлённый.

Что-то внутри Самойлова треснуло. Защитный механизм психики дал сбой, и он засмеялся – истерически, надрывно.

– Доложите обстановку, лейтенант! – выдавил он сквозь смех, чувствуя, как накатывают рыдания.

Топот ног. Через секунду он стоял в окружении группы Шашмолова – все живые, целые, невредимые.

– Товарищ капитан, – лейтенант смотрел на него обеспокоенно, – что с вами случилось? Где остальные? Мы с вами разошлись всего десять минут назад.

Десять минут.

Самойлов перестал понимать, где реальность, а где безумие. Где он. Когда он.

Живой ли он сам.

Глава 6. Зеркала времени

Туннель в никуда

– Возвращаемся, – бросил Самойлов, обрывая споры.

Не время разбираться с бредовыми теориями об отравлении нейротоксином или путешествиях между измерениями. Пусть наверху ломают головы над рассказом капитана – если они вообще выберутся отсюда живыми.

Отряд развернулся и двинулся обратно к залу с пятиконечной звездой. Молча, прислушиваясь к каждому шороху. Щетина на осунувшемся лице капитана вызывала больше вопросов, чем все его объяснения.

Через десять минут стало ясно – что-то не так.

Через полчаса – выхода нет.

– Мы ходим по кругу! – Шашмоллов остановился, ткнул пальцем в стену. – Видите эту царпину? Я сам её оставил. Десять минут назад!

– Ты ничего не оставлял, – огрызнулся один из сержантов. – Ты так же, как и все, теряешь рассудок.

– Заткнитесь. Оба, – Самойлов чувствовал, как группа начинает разваливаться. – Идём дальше.

Туннель тянулся, казалось, бесконечно. Ожидание выхода сменилось беспокойством. Беспокойство – страхом. Только Самойлов сохранял внешнее спокойствие, потому что к этому времени навёл порядок в мыслях. Несмотря на сопротивление разума, принял простой факт: всё произошедшее было реальностью. В подземелье действовало другое время. И они столкнулись с силой, которой не существует в учебниках.

А если так, то они, скорее всего, обречены.

Значит, нужно встретить смерть достойно. Без трусости.

Он уже начал привыкать к неожиданностям этого проклятого места, но пришлось снова удивиться.

Запах.

Сначала слабый, едва уловимый. Потом всё отчётливее. Не просто хлеб или что-то обычное – целый букет ароматов, знакомых и незнакомых. Жареное мясо, пряности, вино. Запахи разжигали аппетит и будоражили пустой желудок.

– Вы это чувствуете? – прошептал лейтенант.

Самойлов кивнул.

Вскоре донёсся шум голосов. Звяканье посуды. Бокалов.

И музыка.

Тихая, плавная, она струилась им навстречу. Звучать музыке в таком месте было абсурдом, но они слышали её. Отчётливо.

Невидимый бал

– Гасите фонари, – приказал Самойлов, доставая из кобуры пистолет.

Свой автомат он безвозвратно потерял.

В конце туннеля ярко горел свет – но явно не электрический.

– Факелы, – прошептал Шашмолов.

Группа замедлила шаг. Оружие наготове. Они шли к тем, кого преследовали в этом лабиринте. Шли сквозь стены звука – смех, голоса, музыку. Всё громче. Громче.

У входа они застыли.

Огромный рукотворный зал. Пустой.

И живой.

Сотни свечей горели по всему пространству – на канделябрах, в нишах стен, на массивных столах. Язычки пламени дрожали. Воск стекал. Но остальное...

– Господи, – выдохнул один из бойцов.

Голоса были повсюду. Иногда – прямо рядом, заставляя вздрагивать. Зал был полон невидимых существ. Музыка лилась со всех сторон. То тут, то там раздавался смех, звон бокалов, звяканье приборов о фарфор. Речь гостей напоминала французскую – пластичная, певучая, но непонятная. Много женских голосов. Звонких. Беззаботных.

Лейтенант протянул руку туда, откуда доносился ближайший разговор. Его пальцы прошли сквозь пустоту – и дрогнули.

– Они здесь, – прошептал он, отдергивая ладонь. – Прямо здесь. Я чувствую... тепло. Они живые.

– Александр Владимирович, смотрите! – сержант Ильин показал на противоположный конец зала.

Там, в глубине, возвышались огромные зеркала в позолоченных рамах. Что-то в них мелькало.

Они пересекли зал – осторожно, будто продираясь сквозь толпу невидимок – и застыли перед зеркалами.

В отражении зал жил.

Бал-маскарад. Офицеры в расшитых мундирах, при шпагах, в масках. Молодые женщины в роскошных платьях. Слуги с подносами. На балконе – музыканты. Вдоль стен – столы, уставленные яствами.

– Это... – лейтенант осёкся. – Как...

– Мы видим то, что есть, – тихо сказал Самойлов. – Просто нашими глазами не видим. Только через зеркала.

– Другое время, – пробормотал Шашмолов. – Мы смотрим в прошлое. Или будущее. Или...

– Неважно, – оборвал его капитан.

Но в следующий миг гармония разрушилась.

Резня

Молодая женщина в белом платье проходила мимо зеркала. Взглянула на своё отражение – и застыла с открытым ртом.

Она видела их.

Обернулась через плечо, ища полицейских в зале. Не нашла. Снова посмотрела в зеркало – пятеро вооружённых людей в чёрном смотрели на неё. Женщина закричала.

Головы гостей обернулись разом. Взгляды устремились на зеркала. Гул покатился по залу, нарастая. Толпа хлынула к зеркалам. Многие осеяли себя крестным знаменем. Несколько женщин упали в обморок. Даже офицеры, подошедшие ближе, казались испуганными.

– Капитан! – Ильин схватил Самойлова за плечо, показывая в зеркало. – Это же...

Там, в глубине зеркального зала, из туннеля выходил сержант Карандаш.

Они обернулись – никого. Туннель за их спинами был пуст.

Карандаш был по ту сторону.

Замешательства секунды хватило. Вся толпа в зеркале тоже обернулась. И увидела настоящего сержанта – одинокого, растерянного, с автоматом наперевес.

В зале поднялась суматоха. Дамы с визгом бросились врассыпную. Офицеры, сдёргивая маски, выхватили шпаги и ринулись к Карандашу.

Сержант увидел бегущих на него людей с обнажённым оружием и открыл огонь.

Очередь. Вторая. Третья.

Офицер в белом упал, хватаясь за грудь. Женщина в розовом платье рухнула ничком. Слуга, бросив поднос, попытался скрыться – и получил пулю в спину.

– Карандаш, прекрати! – заорал Самойлов, колотя кулаками по зеркалу.

Но сержант его не слышал. Или не мог остановиться. Автомат продолжал извергать свинец. Люди падали. Другие, толкаясь и давя друг друга, бежали к выходам. Кто-то спотыкался о тела, кто-то ползал по полу в крови.

– Стреляю по зеркалу! – крикнул лейтенант.

– Нет! – Самойлов удержал его руку. – Мы потеряем его!

Но было уже поздно. Зал опустел. Десятка два тел остались лежать на мраморном полу.

Карандаш стоял посреди бойни, медленно опуская автомат. Искал их глазами.

– Карандаш! – снова крикнул капитан.

Сержант завертел головой, не понимая, откуда доносится голос.

– Подойди к зеркалам!

Свидетельство

Увидев их в отражении, Карандаш облегчённо улыбнулся. Шагнул к зеркалу – и врезался лбом в твёрдую поверхность. Попробовал ещё раз. Оттолкнулся, непонимающе уставился на стекло.

Удивительная способность этих зеркал: они отражали всю обстановку, но смотрящий не видел собственного отражения. Зато видел того, кто был невидим. При этом звук проходил свободно – можно было говорить с человеком, стоящим рядом, но протянутая рука натывалась на зеркало.

– Что с тобой случилось? – спросил Самойлов.

– Я... не знаю, как это объяснить. – Карандаш говорил прерывисто, с трудом подбирая слова. – Когда шёл замыкающим, между мной и вами появилась стена. Невидимая. Я не мог пройти. Вы уходили дальше. Я кричал, но вы не слышали.

Он замолчал, сглатывая.

– Потом вы побежали обратно. Я махал фонарём, орал... Вы пробежали сквозь меня. Будто я был соткан из воздуха.

– Дальше, – жёстко приказал капитан.

– Я побежал следом, но вы... растворились. В тумане. Несколько часов брёл по туннелю. Попал в лабиринт – повороты, перекрёстки. На одном из них встретил человека в чёрном. Одет как монах. Я приказал остановиться – он не обратил внимания. Стал стрелять. Пули проходили насквозь.

Голос сержанта надломился.

– Он прошёл мимо. Потом остановился, обернулся. И сказал: «Только вера спасёт тебя». Сказал, не открывая рта. Я слышал его в голове. После этого он... вошёл в стену. Растворился.

Карандаш замолчал.

Самойлов не стал спрашивать дальше. Какой смысл? Они не понимали происходящего. Рушилось мировоззрение. Исчезало понятие о мире как о стабильном месте, где всему есть объяснение.

Волею судьбы они попали туда, о чём слышали краем уха – другое измерение, параллельная реальность – и никогда всерьёз не воспринимали. Они делали первые шаги в этом мире. И уже потеряли надежду вернуться.

– Капитан! Зеркала!

Самойлов, задумавшись, не заметил, как отражение затянула дымка. В следующее мгновение вместо Карандаша они увидели собственные отражения.

– Карандаш!

Эхо прокатилось по пустому залу. Ответа не последовало.

Связь оборвалась.

Игра

Самойлов стиснул зубы. Какая-то сила играет с ними. Забавляется, наблюдая за беспомощностью людишек, оказавшихся в чужом мире.

– Это не мы, – прошептал один из бойцов, вглядываясь в зеркало.

Самойлов присмотрелся – и непроизвольно отшатнулся.

На первый взгляд всё естественно: он сам, четверо спутников. Но в следующий миг стало ясно – что-то не так. Те, кто находился по ту сторону стекла, жили независимой жизнью. Самойлов поднял руку – отражение подняло её с запозданием. Лейтенант шагнул влево – его двойник остался стоять.

– К чёрту это, – один из сержантов не выдержал.

Очередь полоснула по зеркалам. Посыпались осколки. В них они видели себя настоящих – синхронных, послушных.

– Это был просто повтор, – поспешно объяснил Шашмолов. – Мы видели себя в прошлом. С задержкой во времени.

– Какая разница! – сержант, стрелявший по зеркалам, развернулся к капитану. – Я не хочу здесь сдохнуть! Вы меня сюда привели – вы и выводите!

– Тебя никто не заводил. Мы все игрушки в руках...

Лейтенант не успел закончить.

Сержант вскинул автомат.

Всё замедлилось. Самойлов видел, как плавно опускается палец на курок. В ту же секунду почувствовал, что летит вперёд. Удар ногой по стволу – в момент выстрела. Очередь ушла в потолок.

Сержанта повалили, надели наручники. Он лежал на мраморном полу и хохотал. Истерически, надрывно. Неприятный хохот в огромном зале. Эхо вторило ему, многократно усиливая, превращая в какофонию.

Казалось, будто сам Сатана издевается над ними.

Мёртвый взгляд

Самойлов отвернулся к разбитым зеркалам. В осколках дробились десятки его отражений. В каждом осколке он видел себя чуть другим. В одном – испуганного. В другом – безумного. В третьем – мёртвого.

А за спиной не прекращался хохот.

И вдруг в одном из осколков – самом большом, что остался в раме – мелькнуло чужое лицо.

Самойлов замер.

Лицо смотрело на него из глубины стекла. Знакомое.

Лесничий.

Тот самый, которого друг детства застрелил двадцать лет назад. На охоте. Случайно. Похоронили в лесу и никому не сказали.

Мёртвое лицо смотрело на капитана без злобы. Без упрёка. Просто смотрело – спокойно, внимательно. Губы шевельнулись, но звука не было. Самойлов прочёл по губам одно слово:

«Скоро».

Осколок затянуло дымкой.

Когда она рассеялась, там было только собственное отражение Самойлова – бледное, с широко раскрытыми глазами.

За спиной всё ещё звучал истерический хохот сержанта.

Глава 7. Дороги без времени

Тьма

Третьи сутки в темноте. Батареи сдохли где-то на второй день. Теперь они были просто связкой живых мертвецов на верёвке, ползущих ощупью по стенам. Кто-то падал. Кто-то тихо бредил, бормоча детские считалки. Кто-то смеялся – коротким, диким, сухим хохотом. Самойлов уже не различал голоса.

И вот, после очередного привала, никто не поднялся. Капитан понял – приказывать и уговаривать бессмысленно. Эти люди собрались помирать. Превозмогая дикую, костную усталость, он поднялся.

– Кто пойдёт со мной дальше?

Тишина в ответ была гуще, чем сама тьма. Самойлов достал нож. Лезвие щёлкнуло о камень. Он перерезал веревку, связывающую его с остальными, постоял с минуту, думая, что сказать товарищам на прощание. Не нашёл слов. Просто подошёл к каждому, пожал руку. В их ладонях он не ощутил ничего, кроме ожидания – они ждали смерти как избавления. Капитан шатаясь, в полном одиночестве пошёл в неизвестность. Маленькая, безумная надежда заставляла его передвигать ноги.

Он прошёл совсем немного, когда далеко впереди увидел свет. Сначала слабый, дрожащий, похожий на обман зрения. Но по мере приближения становился ярче, теплее. И вот он снова стоял на пороге зала с зеркалами, но на этот раз – с другой стороны отражения. Воздух пах воском и вином. Слышался треск горящих свечей и чей-то храп, разносимый эхом.

Зеркальная встреча

Источник храпа нашёлся быстро: пьяный Карандаш лежал под столом, уставленным яствами. Раскинув руки, он в одной держал автомат, в другой – початую бутылку вина. Самойлов вытащил сержанта из-под стола, попытался его растолкать. Тот бурчал невнятное, упорно не желая приходить в чувство. Капитан взял со стола бутылку и вылил остатки вина Карандашу на голову.

Тот открыл глаза, отупело уставился, потом ухмыльнулся и снова закрыл. Самойлов повторил процедуру со второй бутылкой.

– Александр Владимирович, вы? – наконец радостно воскликнул сержант, отплёвываясь.

Самойлов устало опустился рядом на пол и большими глотками стал пить прямо из горлышка. Они были рады видеть друг друга живыми. Пока капитан, сидя за столом, почти поглощал холодное мясо и хлеб, Карандаш говорил без умолку.

Оказывалось, для сержанта после их последнего свидания в зеркалах прошло совсем немного времени. Он успел только пообедать, напиться и проспать пару часов. Даже свечи уменьшились незначительно.

– Погоди, – перебил его Самойлов, – у меня прошло трое суток. Трое! А ты говоришь...

– Я проспал от силы два часа, – Карандаш посмотрел на толстые восковые свечи. – Видите, почти не сгорели.

Капитан молча допил вино. Горьковатый привкус застрял в горле. Это место не просто лгало – оно играло со временем, растягивало и сжимало его по своей прихоти.

После выпитого напряжение слегка отпустило, но усталость накатила с новой силой. Самойлов против воли начал засыпать прямо за столом. Карандаш, прихватив несколько внушительных свечей и пару бутылок, отправился за остальными.

Призрак правды

Капитан уже проваливался в тяжёлый сон, когда услышал за спиной шорох – тихий, но чёткий. Краем глаза заметил движение в зеркалах. Схватив оружие, он обернулся и застыл.

Несмотря на прошедшие двадцать лет, он узнал его мгновенно. Из тени между колонн к нему приближался лесничий, застреленный в тайге. Тот же печальный взгляд. Тот же прохуdivшийся плащ, только теперь на груди зияла дыра, из которой сочились потёки свежей, почти чёрной в свете свечей крови.

– Здравствуй, Саша, – голос был глухим, будто доносился со дна колодца.

Самойлов смотрел изумлёнными глазами, не в силах пошевелиться.

Лесничий присел на стул рядом с ним, не касаясь сиденья.

– Не терзай себя о прошедшем. Ты не виноват в моей смерти. Мы с тобой погибли от рук одного убийцы.

– Дядя Миша, – голос Самойлова сорвался на шёпот. – Ты живой?

– Как тебе сказать? И да, и нет. Нет – потому что плоть моя мертва. А образ, который ты сейчас видишь... это состояние тела, когда оно жило свои последние секунды. Только образ. Не веришь? Потрогай.

Самойлов неуверенно протянул руку. Пальцы прошли сквозь пустоту, встретив лишь ледяной холод.

– Видишь. Иллюзия. Тело мертво, но душа жива. Я подтверждаю тебе известную истину: души бессмертны. Они только временно обитают в телах.

– Значит... религия права? – Самойлов с трудом выдавил из себя вопрос.

– Да. Ибо пророки, и человекобоги, как Иисус, Магомет – посланцы людям от высшего разума.

– Кто этот разум?

– Он, так же как и наши души, имеет тело. Это планета, где мы живём.

– Разве земля, вода, камни могут мыслить?

– Твои лёгкие и желудок тоже не рассуждают, но в совокупности ты – человек разумный.

Так почему ты сомневаешься, что планета, породившая человечество, по своему строению превосходящая в сложности любой биологический организм, не обладает разумом?

Самойлов молчал. Мысль была чудовищной и... отчасти очевидной.

– Другие планеты тоже... – начал он.

– Безусловно. Скажу больше: звёзды тоже разумны, являясь родителями планет. А наши души – зачатки будущих миров.

– Ты хочешь сказать, что когда-нибудь я стану планетой? – в голосе Самойлова прозвучало недоверие, смешанное с ужасом.

– Настоящий хозяин твоего тела – да. Но тебе предназначен другой путь.

– Я не понимаю. Почему я – не хозяин своего тела?

Лесничий наклонился вперёд. Его лицо на мгновение исказилось болью.

– Там, в тайге... Когда твой друг случайно застрелил меня, он уговаривал тебя никому не рассказывать. А тело закопать.

– Прости... Я виноват, что согласился, – голос Самойлова дрогнул. – А позже, когда он утонул, я не нашёл сил рассказать правду.

– Ты и не соглашался с ним.

– Что?

– Возвращаясь в посёлок, ты убеждал его повиниться. Говорил, что не сможешь иначе смотреть людям в глаза.

– Разве? Я не помню этого...

– А ты и не можешь помнить, – лесничий посмотрел на него с бесконечной печалью. – Он выстрелил тебе в спину. Убил тебя, Саша.

Александр расширил глаза. Сердце билось где-то в горле.

– Это неправда. Как он мог меня убить, если я жив?

– Вас двое в одном теле. Ты – память, совесть. А тот, кто поддерживает огонь жизни, – другой. Твоё место рядом с Богом, Саша. Но прежде чем ты отправишься к Свету, тот второй должен пробудиться и вспомнить всё...

Лесничий не договорил. Свечи вдруг дружно дрогнули, замигали. По залу пронёсся ледяной ветер, наполненный запахом сырой земли и тления. В углу, где гуще всего сгущались тени, что-то зашипело.

Тьма наступает

Самойлов почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Шёпот нарастал, превращаясь в многоголосый рык. В воздухе перед лесничим сгустилось нечто бесформенное, чёрное, всасывающее в себя свет. Оно набросилось на призрак.

Сгустки черноты окутали мифическое тело лесника, который тщетно пытался вырваться. Пламя свечей плясало в агонии, бросая по стенам безумные тени. Жуткий холод веял от тьмы. Трупный запах заполнил помещение, перебивая воск и вино.

Последнее, что услышал Самойлов, был отчаянный крик лесничего:

– Беги отсюда!

В тот же миг реальность взорвалась огнём и грохотом. С десятков человек в чёрном, в бронежилетах, высыпали из одного из проходов. Увидев капитана, они открыли шквальный огонь.

«Сатанисты», – пронеслось в голове Самойлова.

Ловушка

Отстреливаясь, перебегая короткими перебежками от колонны к колонне, он отступал. Проблема была в том, что он забежал не в тот коридор – сатанисты отрезали его от прохода, ведущего к товарищам. Пули с визгом рикошетили от каменных глыб, откалывая острые осколки.

«Где же они? Должны были слышать стрельбу!»

Единственным шансом была заброшенная галерея с ямами и грудями камней. Самойлов залёг за одной из таких груд булыжников. Укрытие было хорошим, но смертельным – назад пути не было.

Сатанисты, получив отпор, поубавили пыл. Теперь они методично обстреливали пространство, заставляя его прижиматься к земле очередями, а сами продвигались короткими бросками.

– Самойлов! – раздался знакомый голос из темноты. – Тебе, наверное, жарковато? Вылезай, охладим свинцовым дождичком!

Хохот. Самойлов сжал оружие так, что кости заболели. Он узнал этот голос. Не мог не узнать.

– Капитан Самойлов! Узнал начальника? – кричал генерал Воробьёв. – Думал, зеркала нас обманули? Мы всё время шли за тобой по следам! Выходи по-хорошему!

Самойлов попытался выглянуть – град пуль заставил его прижаться обратно. Они окружали. Времени не было. Капитан лихорадочно соображал. Он вспомнил: слева, метрах в десяти, была широкая трещина. Ещё в начале боя он уловил оттуда шум воды. Если до неё добраться...

В этот момент из-за укрытия выскочила женщина. Длинные чёрные волосы развевались, как знамя. В её руках был пулемёт. Она походила на ведьму из старых кошмаров. Присев на одно колено, она открыла огонь.

Пулемётная очередь разнесла верхнюю часть каменной груды. Осколки посыпались на Самойлова градом, резали лицо и руки.

– Труба дело! – выругался он сквозь стиснутые зубы.

Очередь оборвалась. Наступила пауза – они перезаряжались.

Это был единственный шанс. Капитан отполз от укрытия настолько, чтобы оно ещё скрывало его движение, собрался в комок и рванул к трещине. Пули взрывали камни у его пяток.

Он прыгнул в чёрный зев разлома. На миг показалось, что не долетит. Потом – удар ледяной воды, темнота, рев в ушах. Стремительное течение подземной реки подхватило его и понесло в непроглядную, кромешную тьму.

Глава 8. Пробуждение памяти

Светящаяся пещера

Его выбросило на каменистый плёс. Самойлов лежал, отхаркивая ледяную воду, не сразу осознав перемену. Тьмы не было. Всё вокруг светилось мягким, ровным сиянием – каждый камень, каждая песчинка в сводах пещеры испускала призрачное свечение. Свет не падал откуда-то сверху, а рождался в самой материи, превращая подземный зал в место неестественной, тревожной красоты.

Здесь не было следов человека. Ни тёсаных стен, ни ровных коридоров. Только первозданная пещера с толстыми сталагмитами и острыми сталактитами, тоже светящимися изнутри. Подземная река, вынеся его сюда, делала крутой поворот и исчезала в одной из множества тёмных галерей. Эти проходы, расходящиеся веером, уходили вниз, в ещё более глубокую тьму, озарённую лишь у самого входа.

Капитан встал. Его тело ныло от ударов и холода, но в груди теплился странный, необъяснимый импульс – не надежда, а скорее смутное узнавание. Ему уже *казалось*, что он здесь был. Дежавю было настолько сильным, что по спине пробежали мурашки. Он списал это на истощение и двинулся в ближайший проход.

Блуждание в глубинах

Пещера змеилась, петляла, временами расширяясь в залы, потом снова сжимаясь в узкие лазы. Он шёл, почти не останавливаясь. Время в светящейся тишине теряло смысл. Может, час, может, больше. Спускался всё ниже. Воздух становился прохладнее и странно звонким – каждый его шаг отдавался многократным эхом, будто за ним кто-то повторял.

Наконец он вышел в новый зал. И замер.

Пространство уходило ввысь на добрую сотню метров. Потолок терялся в мерцающей дымке свечения. Стены были идеально гладкими, словно отполированными за тысячелетия. Самойлов почувствовал укол разочарования – тупик. Но, всмотревшись, различил под самым сводом тёмное пятно. Отверстие. А к нему, по стене, спиралью вилась едва заметная тропа – скорее, цепочка выбоин и уступов.

Возвращаться назад, к реке, смысла не было. Путь вперёд был один – вверх. Безумно, смертельно опасно, но выбора не оставалось.

Карабканье по отвесной стене

Восхождение стало адом. Каждый выступ казался ненадёжным, каждый шаг грозил срывом в бездну. Несколько раз он замирал, впиваясь пальцами в камень, чувствуя, как дрожат от напряжения мышцы. Спускаться было бы ещё страшнее. Мысль об этом заставляла ползти выше.

Достигнув устья туннеля, он рухнул на твёрдый пол, задыхаясь. Если бы это оказался просто грот, он бы, пожалуй, остался здесь навсегда. Силы спускаться не было.

Но это был ход. Узкий, неровный, но явно пробитый или выточенный. Отдышавшись, Самойлов пополз вперёд. Туннель плавно поднимался. И навстречу потянуло ветерком – слабым, прохладным, пахнущим озоном и чем-то далёким, почти забытым... морем?

Туннель урагана

Чем дальше, тем сильнее становился ветер. Вскоре он перешёл в низкий, непрерывный гул, заполняющий всё пространство. Туннель раздвоился. Одно ответвление уходило вбок, тихое и тёмное. Другое, главное, было чёрной пастью, из которой вырывался настоящий ураган.

Самойлов выбрал главный ход и двинулся навстречу буре. Согнувшись, он сделал несколько шагов – и мощный порыв швырнул его на камни. Его покатило по полу, лишь чудом он зацепился за выступ. Ветер выл, вырывая из лёгких воздух, слепил глаза. Он упрямо пополз дальше, на четвереньках, метр за метром отвоёвывая пространство у невидимой стихии. Вскоре силы кончились окончательно. Заметив глубокую расщелину между двумя валунами, он втиснулся в неё, пытаясь переждать самый яростный шквал.

И тогда сквозь вой ветра он услышал крик. Человеческий. Отчаянный.

Спасение незнакомки

Самойлов протёр глаза. В светящейся мгле, несомый ураганом, метнулся тёмный силуэт. Капитан инстинктивно выбросил руку, поймал пролетающее мимо тело и с силой притянул к себе в расщелину.

Он держал в руках женщину. Искалеченную, в рваной одежде, с лицом, исцарапанным до крови. Она тяжело дышала, широко открытые глаза смотрели на него сквозь пелену боли и шока. Незнакомка. В этом светящемся аду.

– Ты кто? – закричал он ей в ухо, заглушая рёв ветра.

Она медленно моргнула, будто переводя слова. Ответила вопросом на вопрос, с сильным, певучим акцентом:

– Вы... русский?

В голове Самойлова метнулась абсурдная мысль. Откуда здесь, под землёй, иностранка?

– Да, – прокричал он в ответ. – Русский. А ты?

– Француженка, – её губы дрогнули, пытаясь сложиться в подобие улыбки. – Меня зовут Дайана.

– Александр. Саша.

Дальнейшие слова унесло ветром. Они лежали, плотно прижавшись друг к другу в тесной каменной щели, согреваясь дыханием и теплом тел.

Тепло и видение

Ураган гудел над ними, словно разъярённый зверь. И странное дело – это вынужденное близкое объятие не было неловким. От тела Дайаны исходило тепло, которое не просто согревало. Оно проникало внутрь, растекалось по заочневшим конечностям, успокаивало ноющую боль. Усталость накатила волной, смешиваясь с этим теплом. Веки отяжелели. В голове поплыли странные образы – не сон, а что-то вроде полудрёмы.

Лесная опушка. Яркое летнее солнце. Цветущий луг. Он шёл по траве, и мир вокруг был наполнен простой, ясной радостью. Пахло полынью и мёдом. И было ощущение... дома. Не того, что оставил на поверхности, а чего-то гораздо более древнего и настоящего.

Он вздрогнул и открыл глаза. Тишина.

Ветер стих так же внезапно, как и начался. Остался лишь лёгкий шелест где-то вдалеке. Дайана спала, прижавшись щекой к его плечу. Её дыхание было ровным. Самойлов боялся пошевелиться, чтобы не разбудить её, не разрушить это хрупкое состояние покоя.

Необъяснимое узнавание

Он осторожно разглядывал её лицо. Царапины и синяки не могли скрыть тонких, правильных черт, высоких скул, длинных тёмных ресниц. И снова – это необъяснимое чувство. Не любовь с первого взгляда, которая всегда казалась ему выдумкой. Это было глубже. Как будто в нём отозвалась какая-то давно забытая струна. Притяжение было почти физическим: он чувствовал, как его собственное сердцебиение подстраивается под ритм её дыхания. Родное. Бесконечно знакомое. И одновременно пугающее.

Ты сошёл с ума, Саша, – сухо заметил внутренний голос. Три дня в аду, голод, шок, и вот – красивая женщина в объятиях. Классический психоз.

Но другая часть его, та, что молчала все эти годы, шептала иное. Она смотрела на эту женщину и *узнавала*. Как будто всё подземелье, этот светящийся камень, этот воздух – было лишь декорацией к их встрече, которая должна была произойти.

Её ресницы дрогнули. Она открыла глаза. И первое, что он увидел в них, – не страх, не растерянность, а бездонное, излучающее тепло облегчение. Она улыбнулась. И эта улыбка была как ключ, поворачивающийся в замке. В ней была память о чём-то потерянном и вновь обретённом.

– Саша, – её голос был хриплым от усталости, но тёплым. – Милый. Ты даже не представляешь, что сейчас произошло.

– Если судить по обстановке, – он попытался шутить, чтобы отогнать навалившееся безумие, – начался конец света. Или новая эра.

– Именно так, – её глаза серьёзно смотрели на него. – Новая эра. Для нас. Я так благодарен тебе. Ты спас и сохранил душу моей любимой.

Откровение о двух душах

Слова повисли в тихом воздухе пещеры. Самойлов почувствовал, как холодок пробежал по спине, смешиваясь с теплом, которое ещё исходило от неё.

– Любимой? – переспросил он медленно. – Кого ты имеешь в виду?

Она приподнялась на локте, её лицо оказалось совсем близко. Синие глаза, казалось, светились изнутри тем же светом, что и стены.

– Саша, – она говорила тихо, но каждое слово падало с весом гири. – В твоём теле живут не один ты. Твоя душа и... другая. Ей пришлось спрятаться здесь, в тебе, много лет назад. Спасаясь. Ты всё это время, сам того не зная, был её щитом. Хранителем. Ты сберёг душу Няяды.

Иллюзии рациональности рухнули. Всё внутри Самойлова замерло. *Лесничий. В зеркале. Его слова: «В тебе две души».* Воспоминание ударило с болезненной ясностью. Это не было галлюцинацией. Это повторялось.

– Лесничий, – хрипло вырвалось у него. – Он... мне говорил. Про две души. Я думал, бредил.

– Дядя Миша, – кивнула Дайана, и в её глазах мелькнула печаль. – Он пытался тебе открыть правду. Но его уничтожили, прежде чем он закончил. Здесь, в этих туннелях, время и пространство – лишь ткани. Их можно рвать, можно мять. А души... души вечны.

Вопросы и сомнения

– Я ничего не понимаю, – сдавленно сказал Самойлов. Скептицизм яростно боролся с растущим, леденящим пониманием. – Кто ты? И кто такая... Наяда?

Она отодвинулась чуть дальше, села, обхватив колени. Светящаяся пещера была неммым свидетелем.

– Моё имя сейчас – Амбер. Тело, которое ты видишь, принадлежит Дайан, девушке из Марсея. Её душа ушла... её убили. Я вошел в опустевшую оболочку. Так мы действуем уже тысячи лет.

– «Мы»? – перебил он. Его мозг отчаянно цеплялся за логику. – Кто «мы»? Пришельцы? Ангелы?

– Воины, – просто сказала она. – Воины света. Добра. Назови как хочешь. Мы боремся. Здесь, на Земле и за её пределами, в измерениях, которые твой разум не может охватить. Наша война со злом длится дольше, чем существуют ваши цивилизации. Чтобы выжить среди людей, мы... маскируемся. Забываем себя, становимся теми, в чьих телах живём. Память возвращается, только когда это необходимо. Когда встречается свой. Или когда приближается враг.

Она посмотрела на него, и её взгляд стал пронзительным.

– Демоны, тёмные сущности, паразиты – они действуют иначе. Они силой ломают волю, захватывают живые тела, пожирают души, влезают в разум. Мы так не можем. Мы ищем покинутые оболочки. Или... просим помощи. Как попросила тебя Наяда.

История спасения

Самойлов слушал, и мир вокруг терял твёрдые очертания. Камень под ним казался зыбким. Он сжал ладони, вонзил ногти в кожу – боль была реальной.

– Я не мог её «попросить». Я не помню...

– Не ты. Тот Саша, чью душу ты носишь. – Дайана помолчала, подбирая слова. – Двадцать лет назад твой друг выстрелил в тебя. Чтобы скрыть убийство лесничего. Ты умирал на холодной земле, истекая кровью. Твоя душа покидала тело... и в последний миг, на пороге смерти, ты увидел её.

Она говорила медленно, будто каждое слово причиняло боль.

– Наяда бежала от врага. Её преследовали тёмные, её свет гас, её время заканчивалось. Она метнулась к единственному убежищу – к твоему уходящему сознанию. И ты... ты не оттолкнул её. Твоя душа, Александр Самойлов, в последний миг своего существования сделала невозможное – она не ушла. Она осталась. Приняла Наяду в своё ещё тёплое тело и укрыла собой, как плащом. Защитила её своей человечностью, своей памятью, своим именем.

Дайана наклонилась ближе.

– А потом она стёрла память. Чтобы враг не нашёл. Ты вернулся к жизни, Саша. Но с тех пор живёшь с двумя душами в одной груди. Одна – твоя, человеческая. Другая – Наяда, воин света, который спит в тебе уже два десятилетия.

Слова обрушивались на него, как обвалы. Слишком много. Слишком невероятно.

– Доказательство, – хрипло потребовал он. Голос звучал чужим. – Любой псих или сектант мог бы наговорить такого. Докажи. Покажи мне... её.

Дайана смотрела на него долго. Потом медленно подняла руку и коснулась его лба кончиками пальцев.

– Закрой глаза. И не сопротивляйся.

Воспоминание сквозь века

Он закрыл глаза, готовый к обману, к гипнозу, к чему угодно.

И увидел.

Не картинку. Ощущение.

Жаркое солнце. Солёный ветер, пахнущий кипарисом и смолой. Под ногами – белый, раскалённый песок. Шум прибоя. И смех. Звонкий, беззаботный, женский смех. Он оборачивался – и видит её: смуглую кожу, блестящую на солнце, тёмные, заплетённые в сложные косы волосы, глаза цвета тёмного мёда. Наяда. Он знал её имя. Знакомое до боли тепло разливалось в груди. Любовь. Не та, что придумывают поэты, а та, что является фундаментом мира. Древняя, как само море.

И он сам – не Саша, а кто-то другой, молодой, с кожей, обожжённой северным солнцем, с глазами цвета штормового неба. Абнер. Они бежали по пляжу, их пальцы сплетались...

И затем – тьма. Холод. Крик. Острое лезвие страха, пронзившее века. Бегство. Отчаяние.

И потом – тёплые, безопасные объятия. Не детские. Объятия умирающего человека, который открыл своё сердце и впустил в себя целое солнце, целую вселенную чужой боли и любви. Последний акт милосердия на пороге смерти.

Прозрение

Самойлов ахнул и отшатнулся, открыв глаза. Он дрожал. По его щекам текли слёзы, которых он не чувствовал. В груди что-то огромное, спавшее долгие годы, шевельнулось, потянулось к свету. И к женщине, сидящей перед ним.

– Ты... Абнер, – выдохнул он. Это был не вопрос.

Она кивнула, и её глаза тоже блеснули.

– А она... Наяда... она во мне?

– Она – часть тебя. Ты – её дом. Её святилище. И теперь, когда мы встретились, когда враг у порога, ей пора проснуться. Вспомнить свою силу.

Он молчал, переваривая невозможное. Рушилась вся его картина мира – капитана полиции, материалиста, человека дела. Но на обломках возникало что-то новое. Нечто огромное и пугающее, но обладающее чудовищной, неопровержимой реальностью. Он чувствовал это в каждой клетке.

– Зачем? – спросил он, наконец. – Зачем всё это? Война, души, эта... лавкрафтовщина под землёй?

– Земля не просто планета, Саша, – сказала она тихо. – Она живая. Разумная. А человеческие души... они семена. Из них однажды вырастут новые миры. Мы, воины Света, – её защитники. А то, что здесь, в этих туннелях, – это рана. Гнойник. Древняя тьма, которая хочет пожирать эти семена, гасить свет душ, чтобы ничего не родилось. Они строят свои Врата. Ритуалы, убийства – всё для этого. Чтобы выпустить на поверхность то, что должно навсегда остаться в бездне.

Слияние душ

Она потянулась к нему, взяла его лицо в ладони. Её прикосновение жгло, но боль была целительной.

– Мы с ней, с Наядой, любили друг друга на берегу того моря, которого уже нет на картах. Нас выбрала сама Земля, чтобы быть вместе в этой битве. И сейчас финальная часть начинается. Враг знает, что мы здесь. Он идёт по нашим следам. Генерал Воробьёв... он уже на их стороне.

Имя начальника, произнесённое здесь, в этом контексте, было последним гвоздём в крышку гроба его старой жизни. Самойлов понял, что обратного пути нет. Он или сойдёт с ума, приняв это за бред, или сделает шаг в пропасть нового знания.

Он посмотрел в её синие глаза – глаза воина с Британских островов, жившего тысячелетия назад, и девушки из Марселя, и того, кто смотрел на него сейчас. И увидел в них отражение не только себя – капитана Самойлова, – но и кого-то ещё. Смуглую кожу, тёплые, как мёд, глаза.

– Что мне делать? – спросил он просто.

Её губы тронула грустная улыбка.

– Вспомнить. Принять её. И позволить мне... нам... помочь.

Она приблизила лицо. Самойлов не отстранился. Он почувствовал её дыхание, смешанное с запахом крови, пыли и чего-то неуловимого – океана и времени. Их губы встретились.

И это был не просто поцелуй. Это было соединение. Вспышка.

Тёплый, золотистый свет, исходящий от стен пещеры, вдруг вспыхнул ярче, сконцентрировавшись вокруг них. Самойлов почувствовал, как из глубины его существа, из того самого тайного уголка, поднимается волна тепла, силы, *памяти*. Не его личной, а древней, звёздной. Он увидел себя со стороны – сидящим в объятиях женщины, их фигуры, окутанные сиянием. И внутри, в самой сердцевине этого света, билось два ритма, которые постепенно сливались в один.

Она выдохнула – долго, глубоко. А он вдохнул этот выдох. И в лёгкие, в кровь, в сердце вошло нечто большее, чем воздух. Знание. Доверие. И предчувствие грядущей бури.

Начало новой войны

Когда свет угас, они сидели, по-прежнему обнявшись, в теперь уже обычной светящейся пещере. Но мир вокруг был другим. Потому что изменился он.

– Они близко, – тихо сказала Дайана-Абнер, прислушиваясь к тишине. – Мы должны идти. Вниз. К самому сердцу. К Вратам.

Самойлов кивнул. Он встал, помогая подняться ей. Его тело больше не ныло. Усталость отступила, сменившись странной, холодной ясностью. Вопросов оставалось море. Но главный был решён.

Он не был просто Александром Самойловым. И его война только начиналась.

Глава 9. Воспоминание первое: Цветок Жизни

Пробуждение памяти

Наяда вспомнила себя.

Не так, как вспоминают вчерашний день или прошлогоднее лето – а так, будто тысячелетия сжались в единый миг, и прошлое хлынуло в настоящее потоком образов, запахов, ощущений. Она *была* там. Она *жила* этим.

В то время она носила тело молодой нубийской рабыни – стройное, упругое, с кожей цвета полированного эбенового дерева. Её бёдра и грудь вызывали зависть свободных женщин, а римские патриции, останавливавшиеся в портовых тавернах Александрии, предлагали её хозяину суммы, способные купить целый корабль. Но старый Марк неизменно отказывался, хотя его жена Клавдия ворчала, что они могли бы зажить безбедно на суше, вместо того чтобы скитаться по морю в вечных поисках жемчуга.

Она принадлежала этой пожилой паре – формально. Марк купил её на невольничьем рынке Мемфиса, когда ей было не больше пяти лет, крошечное испуганное существо, не помнившее родителей и не знавшее собственного имени. Клавдия, бездетная и измученная этой болью, прижала девочку к груди и заплакала. С тех пор они были семьёй – странной, противозаконной с точки зрения римских нравов, но единственной настоящей семьёй, которую знала Наяда.

Имя ей дал Марк, в один из тех дней, когда она впервые нырнула за борт и пробыла под водой так долго, что он уже готов был прыгать следом. Она вынырнула, смеясь и держа в руках три крупные жемчужины, а он сказал: "Ты – дитя моря. Наяда. Так тебя и будем звать".

Море было её стихией, её домом, её радостью. Подводный мир завораживал – коралловые рифы, похожие на застывшие сады богов, стаи серебристых рыб, скользящие сквозь толщу воды как единое живое существо, загадочные тени в глубине, где свет солнца уже не достигал дна. Она умела задерживать дыхание на время, которое казалось невозможным даже опытным ныряльщикам за губками. Погружаясь, она чувствовала, как лёгкие наполняются не воздухом, а чем-то большим – покоем, силой, древним знанием, которое шепчет вода тем, кто умеет слушать.

Благодаря её дару они и существовали втроём. Небольшой парусник стал их домом – единственным домом, который был у Наяды в памяти. Каюта, где пахло солью, смолой и сушёными травами. Палуба, где она часами стояла на носу, вглядываясь в бесконечную синеву горизонта. Мачта, к которой она прислонялась по ночам, наблюдая за звёздами – теми самыми звёздами, по которым Марк прокладывал их путь.

Она не помнила обид. Марк относился к ней не как хозяин к рабыне, а как отец к дочери – требовательный, но справедливый. Клавдия учила её греческому и латыни, рассказывала истории о богах и героях, показывала, как готовить, как залатать парус, как определить погоду по облакам. На этом судне, ставшем домом, к ней относились как к равной.

Но было в Наяде что-то, чего она не понимала сама. Иногда ночью она просыпалась с ощущением, что забыла нечто важное – не событие, а *себя*. Будто внутри неё спит другая Наяда, та, что знает больше, видит дальше, помнит то, чего не может помнить девушка, прожившая всего восемнадцать лет.

Встреча со странником

Это случилось в Тире – древнем финикийском городе, где дворцы из белого камня громоздились на скалистом берегу, а в гавани теснились корабли со всех концов Средиземного моря. Они продали жемчуг – удачный улов, двенадцать крупных жемчужин почти идеальной формы – торговцу, который ахал и охал, осматривая их, а потом заплатил сумму, которой хватило бы на полгода безбедной жизни.

Клавдия настаивала, чтобы они задержались в Тире, наняли комнату в приличной таверне, отдохнули от моря. Но Марк, как всегда, хотел только пополнить запасы и отправиться дальше. Они закупали провизию на рынке – сушёную рыбу, оливковое масло, вино, муку, – когда к ним подошёл старик.

Он был невысок, сух, как выжженная солнцем ветка, с лицом, испещрённым морщинами, словно кто-то исписал его кожу письменами на забытом языке. Одежда простая – грубый хитон, латаный плащ, сандалии, стёртые долгими дорогами. Но глаза... Наяда вздрогнула, встретившись с его взглядом. В этих глазах жила такая древность, такая усталая мудрость, что ей показалось – перед ней стоит не человек, а само время, принявшее человеческий облик.

– Ищу корабль, – сказал старик без предисловий, обращаясь к Марку. – Нужно попасть на остров в открытом море. Координаты дам точные. Заплачу хорошо.

Марк нахмурился. Он не любил пассажиров – они мешали работе, задавали глупые вопросы, жаловались на качку.

– Какой остров? – спросил он недоверчиво. – В открытом море только скалы да рифы, на которых корабли разбиваются.

Старик улыбнулся – едва заметно, одними уголками губ.

– Остров, который находят только те, кому положено его найти. Остров, где раз в тысячу лет происходит событие, ради которого стоит прожить жизнь.

Клавдия фыркнула.

– Философ-бродяга. Марк, не связывайся. Небось денег у него кот наплакал, а обещает золотые горы.

Но старик достал из-за пазухи кошель и высыпал на прилавок торговца содержимое. Золотые римские ауреусы зазвенели, покатались, сверкая на солнце. Наяда ахнула – она видела такие монеты всего несколько раз в жизни, и то в руках богатых купцов. Здесь же лежала сумма, за которую можно было купить два корабля.

– Половину сейчас, – сказал старик спокойно. – Половину, когда доставите меня на остров. Если, конечно, решитесь.

Марк и Клавдия переглянулись. Наяда видела, как в глазах старого римлянина борются жадность и осторожность. Наконец жадность победила – или любопытство, которое всегда жило в Марке, заставляя его уходить всё дальше в море, туда, где не ступала нога римских легионеров и не проходили торговые галеры.

– Идёт, – сказал он. – Но если это ловушка...

– Это не ловушка, – спокойно ответил старик. – Это судьба.

Путешествие и споры

Они вышли из Тира на рассвете, когда море было гладким, как расплавленное серебро, а небо окрашивалось в цвета, для которых у людей не было названий. Старик, назвавшийся Иеремией, устроился на корме и начал ориентироваться по звёздам, давая Марку указания. Они шли на запад, затем на юг, затем снова на запад – так долго, что берега давно скрылись за горизонтом, и вокруг была только бесконечная синева моря и неба.

Первые три дня старик молчал, погружённый в свои мысли. Наяда наблюдала за ним украдкой. Он почти не ел, пил только воду, подолгу смотрел на море, словно читал в волнах послания, недоступные другим. Иногда его губы шевелились, будто он молился, но слов не было слышно.

На четвёртый день, когда они сидели на палубе – Марк чинил парус, Клавдия разбирала припасы, Наяда сушила волосы после очередного погружения, – старик заговорил.

– Вы верите в богов? – спросил он.

Клавдия подняла глаза.

– Конечно. Нептун хранит нас в море, Юпитер правит небесами, Марс даёт силу воинам. Весь мир знает это.

Иеремия покачал головой.

– Ваши боги – всего лишь имена, которые люди дали силам, не понимая их истинной природы. Я не верю в ваших богов. Я знаю другое.

Марк оторвался от паруса, прищурившись.

– И что же ты знаешь, старик? Что мир плоский? Что солнце вращается вокруг земли? Философов я слышал дюжинами, каждый считает себя мудрее предыдущего.

– Я знаю, – спокойно сказал Иеремия, – что мир разделён на два начала. Не на сотню богов, ссорящихся друг с другом, как ваши олимпийцы. А на два. Свет и Тьма. Жизнь и Смерть. Любовь и Ненависть. И между ними идёт война, которая началась задолго до появления людей и закончится... когда одна из сторон победит окончательно.

Наяда замерла. Что-то в его словах отозвалось внутри неё – как будто она *знала* это. Всегда знала, но забыла.

Клавдия усмехнулась.

– Добро и зло? Это всем известно. Жрецы в храмах твердят об этом каждый день. Приноси жертвы богам, не грехи, и будешь вознаграждён.

– Нет, – Иеремия покачал головой. – Вы не понимаете. Это не просто философия. Это реальность. Свет существует. Тьма существует. И они сражаются за каждую душу, за каждый выбор, за каждое мгновение. Победит Свет – и смерти больше не будет. Исчезнут болезни, страдания, боль. Не будет рабства, войн, голода. Воцарится любовь и гармония. Каждое живое существо познает счастье.

Марк фыркнул.

– Красивая сказка. А если победит Тьма?

– Тогда придёт хаос. Рухнет порядок мироздания. Не будет больше рождений – только смерть, пожирающая саму себя. Вселенная превратится в пустоту, холодную и голодную.

Наяда почувствовала холодок, пробежавший по спине. Она вспомнила свои ночные кошмары – те, в которых она тонула в ледяной черноте, где не было ни света, ни воздуха, ни надежды.

Марк задумался. Он достал глиняную фляжку с вином, сделал глоток, вытер губы.

– Допустим, ты прав. Допустим, есть эти два начала. Но разве они не связаны? – Он сел удобнее, входя во вкус спора. Марк любил споры. – Разве добро может существовать без зла? Как мы узнаем, что счастливы, если никогда не страдали? Как оценим здоровье, не зная

болезни? Как поймём, что такое мир, если не видели войны? Всё познаётся в сравнении, философ. Без тьмы не было бы света. Они – как две стороны одной монеты.

Иеремия поднял на него взгляд – и Наяда увидела в глазах старика не гнев, а глубокую, почти нечеловеческую печаль.

– Скажи мне, Марк, – голос его был тих, но в нём звучало что-то властное, заставляющее слушать. – Ты когда-нибудь благодарил богов за боль?

Марк моргнул.

– Что?

– За боль. За страдание. За то, что твой отец умер в агонии от лихорадки, когда тебе было двенадцать. – Наяда ахнула – откуда старик знает? – За то, что твой сын родился мёртвым, и Клавдия чуть не умерла от кровотечения. За то, что ты каждое утро просыпаешься с болью в спине, потому что когда-то сломал позвоночник, и кости срослись неправильно. Ты благодарил за это?

Марк побледнел. Клавдия замерла, и Наяда увидела, как её лицо искажается от старой, незажившей боли.

– Нет, – хрипло сказал Марк. – Конечно, нет.

– Так зачем же тебе нужно страдать, чтобы познать радость? – Иеремия наклонился вперёд. – Это ложь, Марк. Древняя, красивая ложь, которую шепчет Тьма, оправдывая своё существование. *Я необходима*, шепчет она. *Без меня не будет равновесия*. Но это неправда. Тьма – паразит. Болезнь. Она не нужна для того, чтобы Свет существовал. Она просто *есть*, и она пожирает всё, до чего дотягивается.

Клавдия всхлипнула. Марк положил руку ей на плечо.

– Даже если ты прав, – сказал он, и голос его дрогнул, – что мы можем сделать? Мы – песчинки. Мир огромен. Зло повсюду. Рим строится на рабстве и завоеваниях. Варвары убивают ради забавы. Даже дети... даже дети умирают, и никто не может их спасти. Что могут сделать три человека на маленьком корабле?

– Жить, – просто ответил Иеремия. – Любить. Не предавать Свет в своей душе. И, когда придёт время, – встать на сторону Жизни.

Он замолчал, снова погрузившись в созерцание моря. Наяда смотрела на него, и внутри неё что-то разворачивалось – как цветок, распускающийся навстречу солнцу. Она *знала*. Где-то в глубине, в той части себя, которая спала тысячу лет, она знала, что старик говорит правду.

Цветок жизни

Они плыли ещё пять дней. Море было спокойным, почти неестественно спокойным – ни шторма, ни даже сильного ветра. Марк ворчал, что это дурной знак, но старик только улыбался.

А потом, на рассвете десятого дня, они увидели остров.

Он возник из утреннего тумана, как мираж – зелёный, пышный, увенчанный горами, с берегами из белого песка. Наяда задержала дыхание. Остров был... красив. Но не той красотой, что радует глаз, а той, что пробирает до костей, заставляет сердце биться чаще, душу – трепетать.

– Мы не одни, – пробормотал Марк, вглядываясь вперёд.

И правда. По мере приближения они увидели десятки кораблей – больших и малых, от огромных римских торговых галер до утлых рыбацких лодок. Все они стояли на якоре у берега, а на самом острове...

Люди. Сотни людей. Тысячи.

Они стекались со всех концов земли – Наяда видела светлокожих северян с косами цвета льна, смуглых египтян в белых одеждах, чернокожих, как она сама, нубийцев и кушитов, приземистых персов с густыми бородами, греков, римлян, варваров, говорящих на языках, которых она никогда не слышала. Взрослые и дети, мужчины и женщины, богатые и бедные – но все они двигались в одном направлении, к центру острова, словно ведомые невидимой силой.

И самое странное – атмосфера. Наяда ожидала хаоса, толкотни, ссор, как это всегда бывает, когда собирается много людей. Но здесь царил мир. Люди улыбались друг другу, обменивались приветствиями на разных языках – и *понимали* друг друга. Не словами, а... чем-то другим. Душой? Сердцем?

Наяда шла вместе со всеми, и внутри неё росло странное чувство – *узнавание*. Будто она была здесь раньше. Давно. Очень давно. Будто все эти люди – её семья, которую она не видела целую вечность.

Дорога вела через джунгли – но это были не обычные джунгли. Деревья здесь достигали такой высоты, что их кроны терялись в облаках. Цветы размером с человеческую голову источали аромат, от которого кружилась голова – не дурманящий, а проясняющий, будто ты вдруг начинаешь думать яснее, видеть дальше. Птицы пели песни, похожие на музыку сфер. Даже воздух был другим – плотным, живым, пульсирующим энергией.

И наконец они вышли на поляну.

Наяда остановилась, не в силах сдержать вскрик восхищения.

Посреди поляны, на небольшом возвышении, рос Цветок.

Нет, не рос – *возвышался*. Он был огромен – диаметром в сотни шагов, его стебель толщиной с башню уходил глубоко в землю, а лепестки, пока ещё сложенные, вздымались над головами людей, как стены невиданного собора. Цветок пульсировал светом – тусклым, внутренним, будто внутри него билось гигантское сердце.

Люди расположились вокруг, сидя на траве, стоя, прислонившись к деревьям. Никто не толкался. Никто не пытался подойти ближе. Все ждали.

Наяда села на траву рядом с Марком и Клавдией. Иеремия стоял чуть поодаль, сложив руки на груди, и смотрел на Цветок с выражением благоговения на лице.

– Что теперь? – прошептала Клавдия.

– Ждём, – так же тихо ответил старик. – Он распухнет в полдень. Когда солнце встанет в зенит.

Время тянулось странно – то ли быстро, то ли медленно, Наяда не могла сказать. Она смотрела на Цветок и чувствовала, как внутри неё нарастает напряжение – не тревога, а *пред-*

вкушение. Будто она всю жизнь шла к этому моменту. Будто она родилась для того, чтобы быть здесь, сейчас.

Солнце поднималось. Тени сокращались. Птицы замолчали. Ветер стих.

И вдруг – движение.

Лепестки дрогнули.

Толпа ахнула – тысячи ртов выдохнули одновременно, и это прозвучало как единый вздох изумления.

Лепестки начали раскрываться.

Медленно. Величественно. Один за другим они отгибались, открывая гигантскую чашу внутри. Свет, исходивший изнутри, усиливался – из тусклого он становился ярким, ослепительным, но не режущим глаза, а ласкающим, согревающим.

Наяда смотрела, не в силах оторваться. Красота происходящего была невыносимой – такой, что хотелось плакать от счастья, кричать от восторга, упасть на колени и благодарить небеса за то, что ты жива, что ты здесь, что тебе дано видеть это чудо.

Но что-то было не так.

Она почувствовала это раньше других. Холодок, пробежавший по коже. Смутная тревога, которая скребла на периферии сознания.

Она подняла голову и увидела горизонт.

Небо темнело.

Сначала это была тонкая полоска – едва заметная, словно художник провёл кистью по краю синего полотна. Но полоска расширялась, чернела, превращалась в грозовой фронт. Облака закручивались, сбиваясь в гигантскую спираль. Ветер, который минуту назад молчал, взвыл, словно раненый зверь.

– Что это? – прокричала Клавдия, хватаясь за руку Марка.

Иеремия побледнел.

– Нет, – прошептал он. – Не сейчас. Не здесь...

Лепестки Цветка раскрылись полностью. И из чаши, сияющей невиданным светом, начали подниматься... щупальца.

Нет, не щупальца. Наяда смотрела, не веря глазам, пытаясь понять, что она видит. Это были... лианы? Корни? Или что-то живое, подвижное, но не злое, не страшное – просто *иное*?

Но толпа увидела только щупальца. И паника взорвалась.

Люди закричали. Бросились бежать – кто к берегу, кто в джунгли, кто просто куда глаза глядят. Началась давка. Кто-то упал, и его тут же затоптали. Дети плакали, женщины визжали, мужчины кричали, толкались, дрались за проход.

– Бегите! – заорал Марк, хватая Клавдию за руку и дёргая её за собой. – Наяда! За нами!

Но Наяда не двигалась.

Она смотрела на Цветок – и на ураган, который несся к ним с противоположной стороны острова. Огромный, чёрный, вращающийся смерч, в котором она видела... лицо.

Лицо Смерти.

Огненные глаза, горящие ненавистью. Пасть, открытая в беззвучном рёве. Руки-когти, тянущиеся к острову, к людям, к Цветку.

Люди бежали навстречу ему. Они не понимали. Они думали, что Цветок – враг, а ураган – просто стихия.

Но Наяда *знала*.

Она знала, что Цветок – это Жизнь. А ураган – Смерть. И сейчас решится всё.

Щупальца Цветка – нет, не щупальца, *руки*, она видела теперь, что это руки, нежные, ласковые руки Матери – потянулись к бегущим людям. Одна из них обвилась вокруг Наяды.

Она не испугалась.

Прикосновение было тёплым. Мягким. Безопасным.

Словно мать обнимает ребенка.
И Наяда позволила себя обнять.

Внутри Цветка

Когда она оказалась внутри чаши, мир изменился.
Снаружи бушевал ураган. Снаружи люди кричали и умирали. Снаружи Тьма пожирала Свет.

Но здесь, внутри...

Покой.

Такой абсолютный, такой всеобъемлющий, что Наяда впервые в жизни поняла, что такое настоящий мир. Не отсутствие опасности. Не затишье перед бурей. А истинная, глубинная гармония, когда душа наконец находит своё место во вселенной.

Свет окружал её – мягкий, золотистый, пульсирующий в такт её сердцебиению. Или это её сердце билось в такт свету? Она уже не различала.

Добро пожаловать домой, дитя моё.

Голос не звучал в ушах. Он звучал внутри – в груди, в голове, в самой душе.

– Кто ты? – прошептала Наяда.

Я – Земля. Я – Мать. Я – та, что родила вас всех и принимает обратно, когда приходит время. Ты часть меня, Наяда. Как и все живое. Но ты – особенная. Ты – семья.

– Семья?

Души не умирают. Они растут. Каждая душа – это семя будущего мира. Когда-нибудь ты станешь планетой, дитя. Целой вселенной, полной жизни, любви, света. Но сначала ты должна созреть. А для этого – ты должна сражаться.

Наяда увидела.

Не глазами – всем существом. Она увидела вселенную, какой та была на самом деле. Бесчисленные миры, каждый – живой, разумный, чувствующий. Одни горели ярким светом – миры, где победила Жизнь. Другие были тусклыми, затянутыми серой пеленой – миры, где Тьма набирала силу. А некоторые были совсем чёрными – мёртвые, пожранные, превратившиеся в пустые оболочки.

Земля была одним из светлых миров. Но свет её слабел.

– Почему? – выдохнула Наяда.

Потому что Тьма нашла способ проникнуть сюда. Она открывает Врата. Если они распахнутся полностью – я умру. Всё, что живёт на мне, умрёт. И вселенная станет чуть темнее.

– Как остановить?

Сражаться. Но не мечом, дитя. Не огнём и не сталью. Тьма питается ненавистью, страхом, болью. Чем больше ты ненавидишь – тем сильнее она становится. Чтобы победить её, ты должна любить. Даже врагов. Даже тех, кто хочет тебя убить. Любовь – вот оружие Света.

Наяда почувствовала, как внутри неё что-то переворачивается. Воспоминания – не её воспоминания, а древние, из прошлых жизней – хлынули потоком. Она вспомнила битвы. Вспомнила, как умирали сотни раз. Вспомнила, как возрождалась снова и снова, в разных телах, в разных эпохах, но всегда с одной целью – защищать Жизнь.

Она вспомнила любовь.

Абнер.

Имя обожгло. Она видела его лицо – не в этой жизни, а в другой, давней. Воин Света, её возлюбленный, её половина. Они сражались бок о бок тысячу лет. Теряли друг друга. Находили снова. Умирали в объятиях друг друга – и рождались заново, в надежде встретиться опять.

– Где он? – прошептала Наяда. – Где Абнер?

Он ждёт тебя. Он всегда ждал. И когда придёт время – вы встретитесь снова.

Свет внутри чаши усилился. Наяда почувствовала, как её тело меняется – не внешне, а внутренне. Клетки перестраивались. Душа просыпалась, стряхивая тысячелетнюю дремоту. Она была готова.

Иди, дитя. Ты – Воин Света. Храни мою землю. Защищай тех, кто не может защитить себя. И помни – даже в самой глубокой тьме есть искра света. Твоя задача – раздуть эту искру в пламя.

Чаша раскрылась. Наяда ступила наружу.

Остров был пуст. Ураган ушёл – или растворился, она не знала. Тела усеивали землю – те, кто не успел спрятаться, те, кого затоптала паника, те, кого забрала Тьма. Но многие выжили. Она видела людей, выбирающихся из джунглей, выходящих из укрытий. На их лицах был страх – но и надежда.

Рядом с ней стояли ещё несколько десятков человек – те, кого выбрал Цветок. Те, кто принял его дар. Она смотрела в их глаза и видела то же, что чувствовала в себе – древнее знание, пробудившуюся силу, нерушимую решимость.

Воины Света.

Наяда подняла лицо к небу и улыбнулась.

Война продолжалась.

Глава 10. Воспоминание второе: Швабская битва

Мозаика жизней

Наяда закрыла глаза, и перед ней развернулась бесконечная лента времени – череда жизней, лиц, имён, которые носила её душа. Мужчины и женщины, дети и старики, воины и нищие. Каждое воплощение – как осколок разбитого зеркала, в котором отражалась одна и та же вечная борьба.

Она помнила холодное прикосновение стали, когда умирала от меча крестоносца в теле арабского мальчика. Помнила запах дыма и плоти, когда сгорала на костре в образе седой знахарки. Помнила вкус морской соли на губах, когда тонула в шторме, будучи генуэзским моряком.

Смерть становилась привычной, почти обыденной. Но каждый раз – этот миг перехода, когда душа покидает изношенное тело – пугал так же, как в первый раз. *Неужели когда-нибудь я не вернусь? Неужели это последнее воплощение?*

Она научилась пересекать время – не физически, а сознанием, выбирая точку возвращения. Могла шагнуть через десятилетия или столетия, словно переступая порог. Но за эту способность платила страшную цену: забвение. Чтобы скрыться от преследователей, приходилось стирать память, жить обычной человеческой жизнью – пока товарищи не находили тебя в неведомой эпохе, в чужом теле, с чужими воспоминаниями.

Сколько раз я забывала себя? Сколько жизней прожила, не зная, кто я на самом деле?

Этот вопрос не давал покоя в редкие минуты затишья между битвами.

Первая встреча

Но одна встреча изменила всё. Одна жизнь стала точкой отсчёта, к которой она возвращалась снова и снова в воспоминаниях.

Остров. Цветок Жизни, раскрывший свои лепестки под полуденным солнцем. Паника толпы, ураган Смерти, объятия планетарного сознания. И *он* – белокожий юноша с северными глазами цвета зимнего неба, стоявший рядом, когда мир раскололся надвое.

Абнер.

Его имя она шептала в каждой жизни, даже когда забывала собственное.

После острова они старались держаться вместе – перевоплощаясь, искали друг друга в новых телах, узнавали по взгляду, по касанию. Разлучались лишь когда требовалось сбить со следа черберов – тёмных охотников, выслеживающих воинов Света. Тогда один уходил в далёкое будущее, другой оставался, принимая удар на себя. Спасая друг друга.

Сколько раз она видела его смерть? Сколько раз он видел её?

Но мы всегда возвращались. Всегда находили друг друга.

Это знание давало силы продолжать.

Княжество Штайнберг, Швабия, 1247 год

Тёмные маги пробуждались реже, чем появлялись новые воины Света. Но когда древние – те, кто избрал служение злу на заре человечества – выходили из забвения, земля содрогалась.

Вольфрам фон Штайнберг, молодой барон швабских земель, стал их очередной марионеткой. Красивый, харизматичный, амбициозный – идеальный сосуд для тьмы. Древние явились к нему под видом ангелов-хранителей, нашептали о власти, бессмертии, могуществе. Он поверил. Точнее, *захотел* поверить.

Первой жертвой стали его родители – отравлены за семейным ужином. Двое младших братьев исчезли в подземельях замка, их крики слышали слуги, но никто не посмел вмешаться. Вольфрам стал полновластным хозяином княжества в двадцать три года.

Службы дьяволу проводились каждое новолуние. Сначала – в тайне, в катакомбах под замком. Потом – всё откровеннее. Исчезали крестьянские дети. Их находили позже – обескровленные тела с вырезанными сердцами, разложенные вокруг замка в форме пентаграммы.

Несколько деревень подняли бунт. Вольфрам подавил восстание с садистской жестокостью: каждого десятого повстанца сожгли заживо на глазах у родных. Остальных заставили смотреть.

После этого сопротивление сломалось.

Люди начали болеть странными болезнями – язвы, не поддающиеся лечению, лихорадки, сводящие с ума. Молодые мужчины умирали внезапно, женщины рожали мёртвых младенцев. Священники бежали из приходов. А те, кто оставался, начинали проповедовать учение барона: истинный бог – это тьма, и ей нужно служить, чтобы выжить.

Зараза расползлась на соседние земли. Через пять лет территория, охваченная влиянием Вольфрама, увеличилась втрое.

Наяда чувствовала это нарушение равновесия за тысячи миль – словно рана на теле Земли, кровоточащая гноем. Пора было вмешаться.

Прибытие

Материализоваться в нужном времени было искусством. Нужно выбрать тело, которое не привлечёт внимания, которое впишется в эпоху. Наяда выбрала облик пожилого странника – сухощавого старика с выцветшими глазами и руками, искалеченными артритом. Безобидного. Невидимого.

Абнер пришёл собакой – крупным серым псом с умными глазами. Люди редко обращают внимание на собак.

Они появились на окраине деревни Хоэнбург, ближайшей к замку Штайнберг. Рассвет был серым, небо затянуто облаками. Пахло дождём и гнилью.

Деревня встретила их мёртвой тишиной. Люди прятались в домах, ставни были закрыты даже днём. На площади у колодца стояла виселица с тремя качающимися телами – мужчина, женщина, подросток. На груди у каждого – деревянная табличка: «Еретики».

– Хорошее местечко, – пробормотал старик, поглаживая пса. – Чувствуешь?

Собака тихо заскулила. Да, она чувствовала. Здесь смердело не физической смертью, а чем-то худшим – гниением душ.

Им нужен был проводник. Человек с чистой душой, способный поверить в невозможное и не сломаться. Наяда закрыла глаза, расширяя восприятие. Искала свет среди тьмы.

Нашла.

Крестьянин по имени Дитрих. Сорок лет, вдовец, отец троих детей. Работал дровосеком, поставлял древесину в замок. Внешне – обычный мужик: широкоплечий, молчаливый, с руками, которые могли свернуть шею быку. Но душа... душа горела ровным, чистым пламенем. Он видел зло, понимал его природу, но не сломался. Ждал.

Ждал нас.

Встреча с Дитрихом

Старик встретил дровосека на лесной дороге. Дитрих вёз телегу, гружённую поленьями – очередная поставка в замок. Увидев странника с собакой, натянул поводья.

– Дед, ты заблудился? – голос был хриплым, настороженным.

– Нет, сынок. Я пришёл именно туда, куда нужно.

Дитрих нахмурился. Что-то в старике было... неправильным. Глаза слишком молодые для изборождённого морщинами лица. Взгляд – слишком твёрдый, слишком *знающий*.

– Отойди с дороги, старик. Мне в замок. Опоздаю – плохо будет.

– Знаю, куда ты едешь. И знаю, что творится в подвалах замка. – Странник шагнул ближе, понизив голос. – Ты тоже знаешь, Дитрих. Потому каждый раз, возвращаясь оттуда, умываешь руки до крови. Будто смываешь скверну.

Дровосек побледнел. Рука метнулась к топору за поясом.

– Кто ты? Шпион барона?

– Шпион? – старик усмехнулся. – Нет. Я... как бы тебе объяснить...

И тут заговорила собака.

– Мы воины Света, – её пасть не шевелилась, но голос звучал ясно, отчётливо, внутри черепа Дитриха. – Пришли уничтожить барона и тех, кто стоит за ним.

Дровосек вздрогнул так сильно, что едва не выпал из телеги. Лошадь заржала, испуганно дёрнув головой. Топор выпал из ослабевших пальцев.

– Я... я схожу с ума...

– Нет, – старик положил руку ему на плечо. Странное тепло разлилось от этого касания. – Ты трезвее, чем был когда-либо. Слушай меня, Дитрих. Барон служит древнему злу. Он открывает врата для сущностей, которые пожрут этот мир. Но мы можем его остановить. *Ты* можешь помочь нам остановить его.

Дровосек смотрел на странника, потом на собаку, потом снова на странника. В голове кружился хаос мыслей. Говорящие собаки. Воины Света. Древнее зло. Безумие.

Но...

Но я видел. Видел тени, скользящие по коридорам замка. Видел глаза слуг барона – пустые, мёртвые, даже у живых. Слышал крики из подземелий. Знал, что происходит с пропавшими детьми.

– Что... что вы хотите от меня?

Старик улыбнулся – и в этой улыбке было что-то нечеловеческое, древнее, могущественное.

– Проведи нас в замок. Покажи подземелья. И собери людей, которым можно доверять. Тех, кто готов сражаться.

– Сражаться? С чем?

– С дьяволом, – собака подошла ближе, положив морду на край телеги. – В прямом смысле.

Проникновение

Дитрих провёл странника в замок под видом своего помощника-носильщика. Собака трусила рядом – никто не обращал внимания на бродячего пса.

Замок Штайнберг был мрачным даже снаружи. Чёрный камень, узкие бойницы, башни, словно когти, впившиеся в серое небо. Внутри – хуже. Слуги двигались как сомнамбулы: бледные, молчаливые, с потухшими глазами. Пахло ладаном, но не церковным – приторно-сладким, тошнотворным.

По коридорам скользили тени, хотя солнце ещё не село.

Дитрих провёл их к тайному входу в подземелье – узкому проходу за винным погребом, замаскированному стеллажами. Здесь дровосек встретился с четырьмя своими друзьями: Клаусом-кузнецом, братьями Гюнтером и Ульрихом, Рудольфом-мельником. Каждый принёс оружие: топоры, молоты, ножи.

– Вы уверены? – прошептал Гюнтер, бледный как полотно. – Там... там...

– Я знаю, что там, – оборвал его Дитрих. – Потому и иду.

Старик кивнул.

– Храбрые люди. Земля гордится вами.

Они спустились.

Лабиринт подземелий был древнее самого замка – ходы вырублены в скале столетия назад, стены покрыты странными символами. Факелы горели зелёным пламенем, отбрасывая уродливые тени. Становилось холоднее с каждым шагом – не обычный холод, а пробирающий до костей, *мертвенный*.

Наяда чувствовала близость тьмы. Она пульсировала где-то впереди, словно гнилое сердце.

– Здесь, – Дитрих остановился у массивной двери, окованной железом. – За этой дверью – зал. Есть расщелина в стене, через неё можно смотреть незаметно.

Они прошли в узкий боковой коридор, закончившийся тупиком. Дитрих провёл рукой по камню – и часть стены бесшумно отъехала, открыв щель шириной в ладонь.

За ней разворачивался ад.

Тёмное посвящение

Зал был огромен – сводчатый потолок терялся во мрак, стены расписаны пентаграммами и перевернутыми крестами. В центре, на мраморном помосте, стояло кресло – почти трон, вырезанный из чёрного камня. По периметру зала горели факелы, отбрасывая кровавые отблески.

Человек двадцать в чёрных балахонах стояли полукругом. В центре – барон Вольфрам фон Штайнберг собственной персоной. Молодой, красивый, с длинными тёмными волосами и лихорадочным блеском в глазах. В руке – меч, лезвие которого пульсировало красным свечением.

Перед ним – юноша в белом балахоне, связанный по рукам и ногам. Сын соседнего графа. Няяда узнала его: Герхард фон Лихтенберг, шестнадцать лет, приехал в гости к барону три дня назад.

Не уехал.

– Брат мой, – голос Вольфрама эхом разносился по залу, – ты просил силы. Ты жаждал власти. Сегодня ты её получишь. Но сначала... нужно умереть.

Герхард закричал.

– Вольфрам, нет! Я не это имел в виду! Я не хотел...

– Поздно, – барон улыбнулся. – Слишком поздно.

Меч взметнулся вверх. Лезвие свистнуло, рассекая воздух.

Голова Герхарда отлетела от тела с тошнотворным хрустом.

Кузнец Клаус зажал рот рукой, давя рвотный позыв. Братья Гюнтер и Ульрих побледнели, прижавшись к стене. Дитрих стиснул зубы, костяшки пальцев побелели на рукояти топора.

Но это было только начало.

Двое помощников барона – худые, лысые, с лицами цвета пергамента – подняли отрубленную голову. Начали обмазывать её чем-то зелёным, пенящимся, воняющим серой и тухлыми яйцами. Вольфрам встал над обезглавленным телом, воздев руки к потолку, и запел.

Это не было пением в человеческом понимании. Это был вой, скрежет, скрип ржавых петель, смешанный со словами на языке, который не должны были знать смертные.

Воздух задрожал.

Температура упала ещё на десять градусов – крестьяне увидели, как их дыхание превратилось в белый пар.

И голова... *ожила.*

Веки дёрнулись. Приподнялись. Глаза Герхарда – уже не голубые, а чёрные, полностью чёрные, без белков – открылись. Рана на шее затягивалась, плоть срасталась, словно глину мляли невидимые руки.

И эти глаза... они смотрели прямо на расщелину. Прямо на крестьян.

Он нас видит.

– Уходим, – прошипел старик. – Быстро. *Сейчас.*

Они бросились прочь, спотыкаясь в темноте, не зажигая факелов. Позади раздался хохот – низкий, утробный, нечеловеческий. Он преследовал их по коридорам, отражался от стен, множился эхом.

– Ты видел это?! – задыхался Гюнтер, когда они выбрались в погреб. – Видел?!

– Видели, – Дитрих вытер холодный пот со лба. – И теперь знаем правду.

Старик кивнул.

– Правду. Барон открыл врата для древних. Каждый посвящённый – ещё один демон, обретший плоть. Если мы не остановим это сейчас, через месяц их будет сотня. Через год – десять тысяч. А потом...

- Потом что? – хрипло спросил Рудольф.
- Потом мира не станет.

Подготовка

Ночь перед штурмом Наяда провела в хижине Дитриха, готовя крестьян к битве. Абнер лежал у очага, наблюдая танец пламени.

Ты чувствуешь? – его голос зазвучал в голове Наяды, тихий, встревоженный.

Чувствую. Их здесь трое. Древних. Может, даже больше.

Мы справимся?

Она помедлила с ответом. Древние демоны были опасны не физической силой, а магией – накопленной за тысячелетия, отточенной, смертоносной. Она и Абнер были сильны, но молоды по меркам вечности. Всего несколько десятков воплощений. Против их сотен.

Не знаю. Но должны попробовать.

Если я погибну...

Не смей! – Наяда развернулась к собаке, и на мгновение её человеческая оболочка дрогнула, просвечивая огненной сущностью. – Не смей даже думать об этом. Мы выживем. Оба.

Пёс молчал. Потом тихо заскулил – почти по-человечески грустно.

Я люблю тебя. В каждой жизни. И если придётся выбирать...

Абнер...

Я выберу тебя. Всегда.

Наяда закрыла глаза, борясь с подступающими слезами. Этот разговор они вели в каждой жизни перед каждой битвой. И каждый раз он разрывал душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.